

Annotation

Волею случая встретились в параллельном магическом мире двое неприкаянных русских... и чудовище. Это не то, что вы подумали, а совсем наоборот. Никто никого не бил и не ел. Встретились они, значит, породнились и решили за все-все-все отблагодарить местных добродеев.

Для своей пользы, разумеется.

Так началась история бывалой русской женщины, энергичного юноши и любвеобильного монстрика, которого аборигены считали чудовищем,

а наши – чудом.

Штефан Елена

Штефан Елена
Плюсик в карму 1

Пролог

– Если через пять вдохов она не очнется, практику я тебе не засчитаю! – ярился благообразный немолодой мужчина в индигово-синем форменном кителе. Осведомленный человек сразу бы распознал в нем довольно высокий чин в департаменте параллелей.

– Это непредвиденное осложнение при транспортировке через разрыв пространства, господин ваэ. Никто бы не смог предугадать, что она не перенесет перехода. Думаю, целители все исправят.

– Ты, несносный мальчишка, когда ее вербовал, имя хоть спросил?

– Конечно, господин ваэ. – вербовщик нисколько не боялся резкого тона – знал, что это спектакль для любопытных, магически оттопыренных ушей. У ваэ тоже начальство есть. Папа, ничего ему не сделает, да и начальство папино – тоже. Даже если завербованная женщина

не очнется.

Почему?

Да потому что реальных ходоков по пространству единицы, хотя в департаменте работает полно народа. Не единицы, конечно, десятка два. Пусть он только ученик на практике, даже не стажер, зато

перспективный: в соседней, технической параллели, бывал уже семь раз! И всегда с уловом, сегодня вот даже человека перенес, а не какую-то жалкую крупу. Не все стажеры могут похвастаться таким результатом! Он и в магическую параллель прошел бы и вернуться бы смог, но туда его не пускают. И не скоро пустят. Нужно как следует подтянуть ментал и диагностику. Тамшние маги (чтоб их в подпространство всосало и прожевало) куда сильнее любого ходока. И очень ревниво охраняют свой мир. Девочек им жалко!

С этой землянкой, как же ее, Ольга, дочь Петра из рода Давудов, действительно, накладочка вышла. А может и нет. Женщину он зацепил случайно – на железнодорожном мосту. Специально улучил момент полюбоваться на мощь длиннущего пассажирского состава, и, если получится, подпитаться от его силы. Эти тупые аборигены даже

не понимают, сколько дармовой энергии пролетает мимо их носа. Бездари! И ведь почти получилось ухватить силовой жгут из общего потока, который стелется вдоль железного монстра, и даже смотать несколько витков, пополняя ресурс, потраченный на переход. Сил бы хватило еще на два, но чисто познавательно, а вдруг понадобится подпитаться в мире без магии... А тут эта старушка появилась, и что ее на мост потянуло? Прикрыла нос платочком, чтобы не дышать техническим смрадом и уставилась на воду далеко внизу. Мыслефон у нее был такой, что жгут силы сам собой выпал из рук и размотался. Эксперимент не удался. Поезд ушел, а женщина осталась. Наставник всегда твердит, что главное достоинство ходока вовсе не сила (ну да, ну да, сам-то давно уже не «ходит»), а способность не упускать подвернувшийся шанс. Краткое заклинание оценки вероятностей сработало без внешних волевых усилий, на рефлексах. Все-таки он везунчик: шанс, надо признать, был весьма редким. Восемь из десяти по шкале незатронутых вероятностей. А если грамотно затронуть, то вероятности станут еще вероятнее.

Землянка думала громко, но молодому парнишке разобраться в густом киселе ее эмоций и не облеченных в слова, мысленных конструктах, было непросто. Самоуверенный практикант воспринял задачу как вызов и ему опять повезло: в исследуемом мыслепотоке промелькнула вполне связная фраза: «А может, просто шагнуть туда, и дело с концом? Поплачут и будут жить дальше – не мучаясь». Женщину передернуло – она представила себя с пустыми глазами и текущими слюнками, тупо качающейся в кресле-качалке. А рядом мужчину, терпеливо, с потаенной брезгливостью эти слюни подтирающего.

Туда – это, надо думать, с моста.

«Ну, везунчик же я!» – подумал практикант, входя в нелюбимый режим диагностики. Для начала проверить потенциал – ничего, образованная. Пригодится. В их промежуточной параллели всякие нужны,

даже не маги.

Страх какой-то болезни почти полностью поглотил разум женщины. И чего боится, вполне себе здорова, ну небольшое затемнение в голове. Ничего особенного – проблемы с мелкими сосудами мозга. Для мага целителя делов – два раза пальцами щелкнуть. А в остальном – здоровье дамы даже несколько удивило –

очень неплохо для землянки этого возраста. Надо же, всего сорок восемь, а выглядит хуже, чем столетняя бабка из бедного квартала.

Правда, наставники без устали твердили, что в этой параллели нельзя достоверно определить возраст человека на глаз, особенно у очевидно старого человека. С опытом, дескать, придёт, а пока – ментал вам в руки. Проверяйте и ещё раз проверяйте и старше пятидесяти никого хватать не смейте, не создавайте проблем тем, кому потом возиться с этим материалом.

Юный ходок с досадой глянул на свою неудачную добычу. Скорей бы она уже очнулась и не портила ему первую вербовку! Эта Ольга, почему-то, боялась своей болезни так, что подумывала свести счеты с жизнью. Если верить все тем же лекциям, человека на трагическом изломе судьбы легче всего подловить. То есть, завербовать на перемещение в другой мир. Главное – правильно дозировать магию убеждения, а то оправдывайся потом, если проверят...

Ну, великий Эмодей, покровитель менталистов, помогай.

Навеять на убогую флер доверия не штука – у юного вербовщика ментальная практика имеется – папа поспособствовал. Хорошо получилось – дама сама себя охотно гипнотизировала: виделся ей не стройный юноша, а бодрый старик лет шестидесяти, в очках и с бородкой-клинышком. Да и пусть, если этот образ у нее ассоциируется с безопасностью. Горькая усмешка на упоминание о параллельной реальности – предсказуемо. Язвительное недоверие к существованию о магии вполне укладывается в классическую поведенческую схему. Все, как учили. Немного малозатратой демонстрации чудес – чего стоит магу поднять струйку воды из реки? Стрекозу посреди стылой осени женщина сама пожелала увидеть. Вода послушно приняла форму лупоглазого чудовища и засверкала ледяным сиянием в трепещущих

прозрачных крылышках. Есть контакт!

Прочсть мысли о семье и страхи перед стремительно прогрессирующим слабоумием труда не составило. Вина за то, что в любой момент станет кошмарной пожизненной обузой для близких толкала бедняжку к краю. Такую слабую даже вербовать не интересно. Умирать всякому страшно, а влачить жалкое существование – еще страшнее.

Практикант, как учили, дал объекту немного привыкнуть к новым перспективам

и чуть усилил влияние.

Это против правил, но уж больно

неприятно стоять на стылом ветру, да и тетке этой деваться некуда – либо за край, либо в инвалидное кресло, либо с ним, к новой жизни. А задуматься, какая она будет эта новая жизнь, он не позволит. Устроится как-нибудь,

взрослая.

Жаль, что его первый переход с человеком вышел не таким красивым, как мечталось. Лежит теперь этот объект на столе без сознания. Наверно, возраст сыграл свою роль. Старость – это так

отвратительно!

Его самого мать в шестьдесят родила, а выглядит моложе, чем эта несчастная. Трудно все время себе напоминать, что омоложение жителям Земли недоступно. То есть доступно – чисто внешнее и очень незначительное. Об этом стало известно от одной бесполезной завербованной. И зачем кому-то понадобилось тащить ту дуру через пространство? Ее подловили на обещание второй молодости. Как есть дура! Согласилась, даже не спросив, а что взамен. Можно подумать, мы, ходоки, просто так выжигаем себя при каждом разрыве пространства! Миру нужны специалисты! В любой сфере! Магия, магией, а папа еще помнит, каким отсталым и убогим был наш быт до того светлого дня, как совет магов санкционировал охоту, то есть вербовку в других параллелях. От той дуры, помешанной на молодости, все же случилась некоторая польза – менталисты выпотрошили из ее головы уйму полезных подробностей о техническом мире: одни правила уличного движения чего стоят! А эти их ужасные больницы? Опытные ходоки, кстати, говорят, что там самое удобное место для вербовки. Неприятное, это да. Практикантам туда соваться запрещено. Их задача – учиться приспосабливаться и мимикрировать. Ну, и если повезет, притащить в свой мир что-нибудь полезное. Не обязательно человека, можно вещь интересную или продукты. Хотя то что земляне считают едой иногда сушая отрава. Не удивительно, что они живут так мало, даже до ста лет не дотягивают.

В мире Нрекдол каждый имеет право на одно омоложение за счет короны. И сколько угодно – за свой. Даже в их провинции, на самом краю континента, это возможно легко и просто. Папа и мама уже использовали это право, чтобы родить его – наследника. Теперь откладывают средства для повторного. Лет через пять накопят и он будет выглядеть ровесником с родным отцом. Хотя, никто из соотечественников не перепутает: человека, подвергшего себя

процедуре омоложения, вполне можно угадать по выражению глаз и общим манерам. Юный ходок усмехнулся. Как ни молодился его преподаватель по диагностике, перенимая от молодежи модные словечки и жесты, а все равно понятно, что господину хорошо за сто двадцать. Иначе зачем бы он таскал это тикающее старье с цепочкой? Подумаешь, первый сувенир, самостоятельно принесенный с земли... Сейчас часы на запястье носят, чтобы всем видно было. Никаких цепочек – блестящие металлические браслеты. Но, это редкость. Настоящие механические часы еще найти надо, а потом добыть, предпочтительно – законным путем. В родном мире электричество водится не желало, поэтому часы на батарейках не котировались. А такие удобные, размышлялся недоросль. Из грез его вывел ментальный пинок.

– Практикант...! Вы диагностику делали? – а, вот, наконец, целитель-диагност появился. Это видно по галунам на форменном зеленом кителе.

– Конечно, господин медикус! Небольшое нарушение кровообращения

сосудов. в мозге. Из-за сужения

– Небольшое? Небольшое?! Извольте взглянуть, практикант!
Извольте-извольте! Я вам даже подскажу, куда смотреть –
сфокусируйтесь на теменной доле мозга!

– Господин медикус, что бы вы ни увидели в голове несчастной, это могло произойти в момент перехода через прокол пространства. –
вмешался ваэ, удивляясь, что диагност не подозревает, на чьего сына орет. И ведь, действительно не знает. Ваэ в этом уверен, недаром он один из самых сильных менталистов департамента. В отличие от сына. Наследнику достался талант пространственника, тоже неплохо. Ваэ немного отвлекся, залюбовавшись статным отпрыском. А отпрыск, склонившийся над все еще бессознательной жертвой, тихонько выругался.

– Кровавое месиво! – вынош потер заслезившиеся от перенапряжения глаза. Магическое зрение – основа всякой диагностики давалась ему с трудом. – Господин медикус! Перед переходом такого не было! Могу поклясться!

– Да верю я вам, верю! А поведайте-ка юноша, что вам сказала эта несчастная?

Она хотела покончить с собой?

– Да. Она сказала, что стремительно теряет память и очень боится стать

обузой своей дочери и мужу.

– Вот как, значит... – медикус вглядывался в еще живое тело на столе с нездоровым интересом, – достойная причина для смерти. Я ее забираю...

Ушлый ваэ не сделал бы карьеру в престижном департаменте, если бы не умел просчитывать варианты. Медикус так увлечен сложной лечебной задачей, что совсем забыл о правилах – его подручные уже взялись за транспортировку. Ну, раз достойному медикусу не нужны сопроводительные бумаги, то и ладно. Документы можно и придержать. А когда медикус встрепенется и все-таки снизойдет до бюрократической процедуры, то ему придется согласиться на ма-аленькое, совсем ничтожное нарушение: подтвердить, что его пациентка отказалась от бесплатного омоложения. Разумеется, в пользу семьи ее спасителя. Всего лишь какое-то омоложение. Вылечить-то ее вылечат, раз живая. И всем, чем положено по закону – снабдят. Зря, что ли, ее сюда тащили – пусть пользу приносит.

Глава 1

Встреча, которая не должна была случиться

– Бирлап льмуах! – Нестарая еще женщина машинально уступила дорогу

нетерпеливому торопыге. Она добросовестно сделала шаг в сторону, но оказалась недостаточно шустрой – тяжелая объемная корзина свела попытку на нет. Обгоняющий человек так наподдал поклажу коленом, что беднягу развернуло на девяносто градусов – лицом к живой изгороди, обрамлявшей тротуар справа.

– Чтоб тебе ноги косичкой заплело! – пробормотала путница себе под нос, перебрасывая корзину в другую руку. – Эх, надо было соглашаться на носильщика, – добавила она опять по-русски и грустно улыбнулась. Денег за удобство не жалко, себя жальче. Только выпускать драгоценную ношу из рук страшновато: не угнаться ей за шустрым подростком, если тому придет идея удрать с поклажей. Продуктов там не на медяшку – обычную таксу таких носильщиков.

Желание передохнуть стало нестерпимым, благо уже видна скамейка у входа в крошечный скверик. Такие скверики – островки тени с одной-двумя лавочками – у зажиточных домовладельцев играли роль палисадников. Вместо цветников разлапистый высокий

древовидный кустарник, шатром накрывающий простенькие, но ухоженные места для недолгого отдыха. Территория частная, но любой прохожий мог присесть и перевести дух. Или побеседовать со знакомцем, буде такой встретится. «Прикольная благотворительность,

– подумала женщина, с удовольствием расслабляя ноги в грубоватых, изрядно растоптанных туфлях, – но очень удобно». А главная приятность – никто не позволит себе намусорить, не плюнет и не полезет с ногами на скамейку. Дураков нет, поймать отсроченное проклятие никто не захочет. Маги такие затейники – простой чесоткой можно не отделаться.

Путь от торгового квартала до дома долог – больше часа. А с грузом и все полтора, если разок-другой присесть передохнуть.

«Отцвел уже. – Легкое сожаление не мешало наслаждаться созерцанием фигурных листьев полужнакомого кустарника. – Эх, не успела полюбоваться. На боярышник похоже. Боярышник чудесно цветет...»

Мимо текла суета базарного дня: спешила с покупками озабоченная прислуга, в легких открытых повозках покачивались спесивые горожанки. Женщина отвернулась, мысленно фыркнув. Экипажи эти вызвали досаду. Точнее, существа, которые их тянули, тирлы, раздражали своей карикатурной несуразностью. Зебра со статями коротконогой таксы. Клиренс у скотины ой как подкачал. Обвислое брюхо стекает почти до самого дорожного покрытия и уравнивается сзади мощным мосластым хвостом с кистью долгих, как у правильного коня, волос, а спереди – хищной,

смахивающей на черепашую головой в радостную полосочку. Тварюга травоядная, но в предках или родственниках явно имела кого-то поопаснее.

Положим, неприязнь к странным тягловым животным можно и преодолеть – уж очень жалко времени, которое предстоит потратить на дорогу. Все-таки единственный выходной в месяц. И денег на поездку должно хватить. Да не факт, что местные «водители кобыл» сочтут ее достойной внимания пассажиркой, а унижаться ох как не хотелось. Русскоязычная матрона вполне осознавала, что вид имеет непрезентабельный. Да и это красивое слово из прошлой жизни – самообман. Самый что ни на есть задрипанный у нее вид. И другого в ближайшее время не предвидится. «Вот возьми наконец и сделай что-

нибудь со своей серой жизнью, голубушка, хватит волшебного пенделя ждуть. Одного уже дождалась...»

– Подвиньтесь-ка, тетки... – игривый пьяненький голос возник откуда-то из-за кустов, возмущенно качнулись ветки, и с грацией вареной макаронины на лавку плюхнулся некто в рабочем комбинезоне. – Надо же, – радостно и гнусаво продолжил тираду рослый жилистый паренек, – обе две дрищепотки, а сесть некуда. Хи-хи.

А чего вы таки-ие одинаковые?

– Сам дрищепот, – машинально ответила женщина, брезгливо отстраняясь

и на всякий случай

придерживая драгоценную корзину, – с утра зенки залить успел! – И захлебнулась воздухом. Разговор шел на русском! Не просто на русском, а с протяжным московским «аканьем». Нечаянные собеседники дружно и воровато заозирались, но, на их счастье, поблизости никого не было. Пьяненький парнишка, кажется, разом протрезвел и с отчаянной надеждой истово зашептал:

– Тётъ, ты правда русская? Всамделишная? – На уверенный кивок парень расплылся в счастливой улыбке, обнажая неидеальный прикус.

– Я Пашка. Павел Мартынов. А ты? – Женщина немного забылась, уставившись на щелку-щербинку посреди верхнего ряда зубов земляка.

«Как у моей доченьки, – отстраненно подумала она, засмотревшись, – как у Анечки».

– Ты чего, тётъ? – слегка испугался парнишка этой внезапной отстраненности. – Ну не хочешь знакомиться, так я и пойду себе, – добавил он разочарованно и предпринял попытку встать со скамейки.

– Сядь, Павлуша, не шебуршись. Растерялась я. Прости. Меня Ольгой

Петровной зовут.

– А фамилия?

– А фамилию я, Павлушенька, не помню. В документах написано Вадуд.

Лицо парнишки сразу стало жалостливым и грустным. Радость от встречи

с землячкой впиталась в горькую складку между бровей.

– Может, вспомнишь еще, тётъ Оль? Эти, – небрежный кивок на шумную улицу, – могли и неправильно записать. У них ни «ч», ни «ы» в алфавите нет. Меня Мартуном записали. Не Мартынов, а Мартун. Представляешь? Как кошака какого. Мартовского. – И сделал вид, что яростно сплюнул, похоже, знал о возможном наказании за вандализм.

Видимо, характер у паренька был непоседливым, потому что он вдруг вскинулся не хуже Архимеда с его «эврикой»:

– Может, и у тебя «ы» на «у» заменили? – Подумал еще секунду и сник: «Вадыд» тоже звучит не ахти.

А Ольга Петровна оживилась. Вдруг ей попался особо безалаберный клерк-«паспортист»? Ну могло же быть сразу две ошибки? Вдруг тот придурок буквы местами переставил? Будет он стараться ради какой-то иномирянки из презренной немагической параллели. У парня, что удивительно, мысли текли в том же направлении.

– Тётъ Оль! А может, ты Давыдова?

– Может, и так. – Ольга Петровна ощутила легкую тревогу, когда Паша назвал предполагаемую фамилию, но сосредоточиться на этом чувстве себе не позволила: есть более насущное, что стоило обсудить.

– Павлуш, ты еще наших встречал?

– Не-а. Ты первая. За весь год первая. Думал, загнусь тут один, среди этих...

– Вот и я не встречала. – Чувства парнишки к надменным аборигенам были ей близки и понятны. – Хотя я мало что помню, всего-то три раза выходила на ярмарку. Я, Павлуш, себя твердо осознавать начала только месяца четыре как. Но это неважно. Скажи, как

ты устроился? И почему ты пьян?

Еще ведь даже не полдень...

– Я уже не пьяный, тётъ Оль. Протрезвел от удивления, когда русский

язык услышал. Это я с работы шел. С бывшей.

– Дегустатор, что ли? Сомелье? – Пашка угрюмо фыркнул.

– Подавальщиком я был. В рыгаловке за углом. Сегодня мой контракт закончился. Вот я и разнервничался. А когда я нервничаю – как пьяный становлюсь. – И засуетился пояснить: – Побоялся, что хозяин юлить начнет, чтоб меня еще задержать. Выгодно ему землянина в услужении иметь. Я так волновался, что от нервов мог полы заблевать, тогда бы хозяин меня отрабатывать заставил, как пить дать, а это значит – продление контракта. Без меня ему на магическую уборку раскошелиться придется. С него станется любую подляну подстроить. Кто ж знал, что контракт не только даты отсчитывает, но и минуты. – Ольга внутренне поежилась. Это ж какая жизнь у парня была, что он на улице рад остаться, лишь бы пресловутый контракт не продлевать?

– Контракт-то мой тю-тю, сгорел, – тоном победителя уточнил Пашка.

– Далеко живешь? – Почему от парня чистым спиртом несет и с чего бы у него в глазах раздвоилась новоявленная тётя, Оля уточнять не стала. Внешних признаков алкоголизма не видно – и ладно.

– А нигде еще не живу. Спал там же, в кабаке. Одно хорошо – тепло там было. Да что мы все обо мне, тётя Оль? Сама-то где живешь-работаешь?

Ольга Петровна в точности повторила Пашкин фырк. Живешь-работаешь...

Именно так. Где работает, там и живет.

– Привратница я. В Корпусе наездников и пастухов. – Парень вытаращился на собеседницу с благоговейным недоверием и жгучим любопытством.

Наслышан, видать. Ольга ему даже посочувствовала. И было отчего: самое таинственное учебное заведение континента, в котором преподают искусство обращения с легендарными нгурулами. Об этих зверушках знали все, но вживую видели немногие. Пашка в своем кабаке такого о них наслушался! И ядовитые-де они, и шипастые, а уж огро-омные... А кто-то брехал, что не крупнее детеныша обычного тяглогового тирла, только не гладкошерстные и полосатые, а мохнатые и из носа рог торчит. Но все слухи сводились к одному: уж очень опасные твари – мощные и ядовитые. Всеядные, между прочим, могут репки пожевать, а могут человечинкой закусить.

Нгурулов видеть Ольге случалось – работа такая, а вот наездников

– лишь издали. Разведка «Моссад» так не шифруется, как эти наездники. Вместо ожидаемых расспросов о работе Ольга получила осторожный тычок локтем в бок. Пашка сделал большие глаза и неожиданно потянул ее встать.

– Засиделись мы тут. Видишь того мужика через дорогу? Этот чел

в квартале за порядком смотрит. Типа мент тутошний. Я его знаю, не раз в распивочной толстого Тима местных пьяниц гонял. Идти надо, тетя

Оль. Он привязчивый.

– И то верно. Пойдем. А лучше – поедем. Извозчика сможешь нам поймать?

– Это ведь дорого. – И засуетился перехватить корзину.

– Не дороже свободы, мой мальчик. Не дороже свободы. Тебе же все равно куда, а я еще не готова тебя отпустить. Поживешь пока со мной?

Пашка расплылся в совсем уж неприличной лыбе, красуясь щелкой

между зубами, и оттого сделался родным.

– А тебе разрешат, тетя Оль?

– Ну, я не припомню, чтобы мне гостей запрещали.

– Буби! Буби! – выкрикал Пашка извозчика и, что удивительно, довольно быстро дозвался. Насупленный мелкий мужичонка и вякнуть не успел, а высокий, бедно одетый парень уже усаживал на лучшее место какую-то занюханную старуху. Проворная старушка оказалась. Ишь как резво в экипаж шагнула. Ни кокетливой неуверенности, ни суеты с длинным подолом, которыми грешат состоятельные клиентки. Срам один, а не пассажирка! Извозчик совсем было решился призвать на помощь городского, но мельком заглянул в корзину, которую парень бережно пристраивал на колени. А там – сплошь дорогушая иномирная еда. Похоже, деньжата у седоков водятся.

– Задние ворота Корпуса наездников, – уверенно обозначила цель поездки старуха на диво мелодичным голосом. Точно заплатит, успокоился

извозчик, но на всякий случай озвучил

цену:

– Серебряный четвертной.

Парень не уловил на лице спутницы сомнения и согласился.

– С чаевыми. И не больше. – Все-таки кварталы вокруг торговых рядов – это почти центр, и Павлу случалось время от времени наблюдать, как ведут себя приличные люди. Наблюдать и подмечать. А потому позвать извозчика он умел и, как ответить наглещу, заломившему цену за поездку, знал. Конечно, обоих землян интересовали окрестности и виды, но достопримечательности и архитектурности никуда не денутся, а вот узнать друг друга получше и побыстрее хотелось настолько, что они забыли привычно остерегаться говорить по-русски. Ну, сообразит возница, что пассажиры из другого

мира, так не высадит же, заработать всем охота. Тем более такие деньжищи. Пашке столько за неделю положено было, если только толстый Тим не изобретал способ оштрафовать бесправного подавальщика. Возница может даже попрезирать немножко, если признает в седоках иномирцев, так это его проблемы. Подумаешь, истинный

сын Нрекдола, плевать на него.

Про Нрекдол Ольга помнила и всегда мысленно фыркала, уж очень название на таблеточное похоже. Не мир, не планета – параллель

реальности! Во как! А самоназвание – обхохочешься: Нрекдол. Она сделала себе мысленную зарубку – сравнить свои представления с Пашкиными. Откуда бы ей знать такое? А ведь знала, помнила откуда-то. Как помнила и то, что никогда ни с кем об этом не разговаривала. Будто у нее в мозгах припрятана флешка с общими знаниями о действительности и эти сведения распаковывались по мере надобности. Иногда сквозь хмарь неглубокого сна ей слышался занудный бубнеж – то ли лекция какая-то, то ли кто-то вслух начитывал информацию обо всем подряд: про денежные средства, устройство власти, элементарную географию и прочая, и прочая...
Вроде

бы на мгновение задумалась, а чуть не пропустила вопрос:

– Тётё Оль, а ты сама откуда? Я с батей в Зеленограде жил, под Москвой. Слыхала? – И расплылся улыбкой на утвердительный кивок.

– Я с Орловщины. Почти соседи.

– Да без разницы, – новоявленный земляк заулыбался еще шире, – ты русская, а там хоть из тмутаракани.

Так они и проболтали весь путь, стараясь хоть немного познакомиться друг с другом. И по сторонам поглядывать не забывали. Пашка же дальше своего квартала не заходил, когда ему было?

Местность вокруг заведения толстого Тима он изучил, а вот дальше – для него все в новинку, как, впрочем, и для внезапно обретенной тетушки. Ходить она ходила, а из экипажа все смотрится иначе. Они обещали себе непременно наведаться сюда еще, вместе. И сюда. И сюда. Чтобы все как следует рассмотреть и повпечатляться от всей души. Не то чтобы город был как-то примечателен. В России таких не счесть, особенно в местах, которые не затронула война и где сохранились старые дореволюционные кварталы. Серьезные темы, не сговариваясь, оставили на потом, а пока просто привыкали к присутствию друг друга.

Торговый район внезапно уткнулся в небольшой лесной массивчик, и Ольга слегка огорчилась – поездка заканчивалась. И было чуточку жаль, что едут мимо. Хотелось еще разок окунуться в смолистый дух странного невысокого хвойника и прогуляться под кружевными шатрами разлапистых деревьев, похожих на клены,

только мощнее. И тут же себя одернула – с тяжелой корзиной было бы не до красот. Если пересечь лесок по скудной, щерящейся выпирающими корнями тропке, то выйдешь прямо к крепостному

комплексу, в котором и размещался знаменитый Корпус, а там вдоль бесконечной стены по солнцепеку. Жарко. Платье у нее одно – форменное. Как бы узнать, а летний вариант экипировки есть? Или нужно самой о штатской одежде позаботиться? Не резать же рукава у крепкой

еще одежды – пригодится по
холодному времени.

Зебро-собако-лошадь чуть дернула, неудачно входя в поворот, толчок прервал многослойный поток размышлений – приехали. В аккурат перед исполинскими воротами притормозили. И это задние ворота, проскочила туманная мысль в голове Ольги, черный ход, так сказать. А каковы же главные? Проскочила думка и пропала, вытесненная новым недоумением: почему это раньше ее не интересовало?

Выйти из коляски оказалось на диво легко. Пашка, хороший мальчик, руку подать не забыл, да в этом и нужды-то не было. Делов-то – как с детской табуреточки соскочить. Зачем ладить повозку высокой, если тягловая скотина ростом не вышла? На Ольгу вдруг напало веселье – колесики хоть и вполне тележные, а не больше, чем у дочкиного подросткового велосипеда. С той лишь разницей, что вместо резиновых шин обод обтянут каким-то слоистым материалом толщиной пальца в два. Навскидку – толстая кожа и что-то вроде войлока склеены поочередно. А что? Для такой идеальной дороги – вполне себе амортизация.

Извозчик получил расчет и даже немного постоял, чтобы посмотреть, что будут делать странные пассажиры. Надо же, старуха заплатила не чинясь, а могла бы выторговать две-три медяшки, он бы уступил. Тоже ведь деньги. Ишь, гордячка.

А странная парочка скрылась за неприметной дверью в стене. Очень неприметной – если не знать, куда смотреть. Не иначе как магия. Зато ворота никакой магией не замаскируешь – баржу протаскать можно. Зверь страшный, а не ворота – скорее стену монолитную тараном пробьешь, чем эти створки клепаные. Не иначе как иномирских магов работа. И зачем такая мощь? Крепость-то веками тут стоит, а ворота – новодел. От кого эти наездники запираются? Хотя бают в народе, что нгурулу даже самый крепкий забор не преграда. Да кто их видел, этих нгурулов? Лишь бы налоги с народа драть!

Глава 2

Вкус прошлого

Пашка стоял посреди довольно большой комнаты и недоумевал.

Не похоже, что здесь несколько месяцев обитает русская тетка из простых. Гауптвахта какая-то, а не жилье! Видел он что-то подобное там, на Земле, когда отец его, еще совсем пацаненка, по всяким старинным замкам таскал. Ну, может, не кутузка, а караулка какая? Крепость же. Пашка все глаза проглядел, пока подъезжали, все надеялся высмотреть что-либо, кроме ограждения, да только пару черепичных крыш и разглядел – такой высоты была крепостная стена. И караулка эта, наверное, в толще стены находится, ишь как свежо после полуденного припека. Жара прямо как в конце мая, там, дома. А здесь, под защитой камня, – приятная прохлада. Только уж очень убого.

Неподъемный стол на десяток персон, под стать ему скамья, опрятные и неожиданно радостные, светятся теплом выскобленной дочиства древесины. У другой стены широкий топчан, изображающий кровать. Аккуратненько так застелен одеялом, цветом смахивающим на шинель. Зато подушка в пестрой наволочке. Корявая этажерка заменяла комод и трюмо разом. На полочках – скудные тряпочки сложены в идеальную стопку и стыдливо прикрыты полотенчиком. Полотенце, похоже, из той же унылой каптерки, что и одеялко. Если не из тюремной, то из штрафбатной. Откуда эти ассоциации поперли в голову не служившему в армии Пашке, он и сам бы сказать не смог. Порядок на полках был армейский, но неуловимо женский. Крупнозубая расческа, полоска ткани, имитирующая ленту. Простенькое зеркало, горделиво стоящее на полке, выглядело роскошно. Наверное, потому, что было новым. Женщина – и без зеркала? Пашка давно не видел свою физиономию в полном объеме, даже отшатнулся от незнакомца в зловредном стекле. Вроде бы радоваться нужно – исчезла досадная детская припухлость со щек, но радоваться не тянуло – с такими костистыми скулами только милостыню просить. «Зато в обстановку вписываюсь», – развеселился пацан.

Венчала это убожество креативная вешалка – небольшое, метра под два, тщательно ошкуренное ветвистое деревце с аккуратно и

грамотно срезанными сучками – там, где прислонялось к стене, ветки начисто срезаны, а оставшиеся вполне эффективно заменяют крючки. Чтобы надежно прикрепить эту штуку к стене, хватило парочки загнутых гвоздиков, вколоченных в скрепляющий стену раствор. Набить такое же количество крючков в каменную кладку, да чтоб ровненько

и аккуратно, – замаешься даже с перфоратором.

– Ну, тётъ Оль, ты голова! – восхитился Пашка, рассматривая поделку. – Я бы не додумался! Замучилась, наверное, пока сделала. – Он любовно огладил округлые, тщательно отшлифованные срезы веток и зацокал языком, качнув пальцем непонятную робу, аккуратно висящую на самодельных плечиках-распялках. Хозяйка на комплимент не отреагировала, и Пашка сообразил, что с того момента, как они вошли, Ольга Петровна не издала ни звука. Так и стояла замершим сурикатом...

«Черт подери! – думала Ольга, остолбенев. – Нет, чертяка так бы нагадить

не смог – слабоват. – От

осознания катастрофы путались мысли. – Этот хлев – место, где я живу?!»

Либо это вовсе не она, хозяйственная и домовитая мать семейства. Либо с ней, Ольгой Петровной, что-то очень и очень не так. Ну не было в памяти вполне разумной женщины ощущения, что ее быт настолько неустроен. «Может, у меня размножение личности и до этого здесь жила я-не-я?» Та женщина, которой сейчас ощущала себя Оля, так жить просто не могла! Исключено! Но второй, или даже двадцатый,

слой памяти выталкивал наружу

правду – именно здесь она провела последние месяцы. Это не ложные воспоминания и не всплеск горячечного воображения. Это каждодневная унылая реальность.

Господи, как стыдно! Да кто в здравом уме приведет гостя в этот хламызник? А вот пригласила же, уверенно так, как будто в свою квартиру, трепетно обласканную евроремонтом! Ту, оставленную на родине. «Я не готова тебя отпустить», – ехидно и зло передразнила себя Ольга. Где он спать-то будет? Бедный ребенок! На комфорт, наверное,

настроился, а тут бомжатник.

Ну, хоть чисто...

– Тётъ Оль! – Сильные пальцы довольно жестко сдавили плечо. – Тётъ Оль, ты чего? – А парнишка-то напуган, сообразила хозяйка. Вона как в лицо заглядывает, аж присел, бедняга. Пора кое-кому

невменяемому вынырнуть из астрала и попытаться хоть что-то исправить.

– Прости, дружочек, перемкнуло. – Парень украдкой выдохнул, точно, испугался. А кто бы не испугался такого ступора у незнакомого человека?

– Ты расстроилась, что у тебя бедно, да?

– Это не бедность, Паш. Это называется нищевродство. Но это неважно, Павлуш. Важно, что я так несколько месяцев прожила и даже не замечала. А сейчас как твоими глазами на все глянула. И ужаснулась. Я, Паш, как будто впервые все это безобразие вижу. Верись, нет? Как злой морок спал. Прости, мальчик, пригласила тебя...

Пашка сиротливо переминался с ноги на ногу, не зная, на что решиться. Такая классная тетенька, и так расстроилась из-за ерунды. Жалко ее. Пашку подмывало что-нибудь эдакое сделать, чтобы утешить, хоть обнять, что ли. Да куда там. Тоже одичал, и не умел

никогда. Если эмоции захлестывали, он начинал болтать без умолку...

– Извиняется она! С ума сойти! Да если бы я тебя не встретил, где бы я сейчас был? А, тетя Оль? Не знаешь? Так я тебе скажу! Скорее всего, тот городской сцапал бы меня пьяного, – Пашка зажмурился от жуткой перспективы, которую живенько нарисовало тренированное мечтами воображение, – он бы мне вменил че-нить охрененно незаконное и опять бы на контракт посадил. В лучшем случае тому же толстому Тиму.

– Как на контракт? – Хотя что тут непонятного? Ольга уже забыла стесняться своего жилища. У нее воображение было не в пример Пашкиному – профессиональное. Расчетливое и многовариантное. Как можно принудить к кабальному контракту молоденького беззащитного иномирного гастарбайтера, имея толику власти и не имея совести, она представляла себе очень хорошо. Муж всякое рассказывал, когда с чинушами бодался.

А вот про мужа вспомнилось не ко времени, нельзя сейчас про него...

– Ты только не прогоняй меня, тетя Оль, а то мне, наверное, совсем

кранты настанут.

– Сдурел? Да я готова тебя к лавке приковать, лишь бы ты не испугался вот этого, – она нервно тряхнула головой в сторону убогой постели, – лишь бы опять не остаться одной, особенно сейчас. У меня, Паш, кажется, воспоминания просыпаются.

– Ух ты! – восхитился Пашка. – А ты мне расскажешь?

– Вот дурья башка, – ласково обругала его Ольга, – наслушаешься еще, не отвертись. И не жалуйся потом! Мне же нужно на ком-то проверять уровень своей неадекватности? – И примолкла, давая парню осознать внезапное счастье. – Да, это тебе, Паш, лихо не повезло! – А тот лишь скалился, демонстрируя Ольге милую материнскому сердцу щербинку и абсолютное довольство. Довольство, впрочем, очень быстро трансформировалось в жажду деятельности, и Пашка помчался осматривать неосмотренное, которое стыдливо скрывалось за грубым арочным проходом.

Еще одно помещение, поменьше размером, порадовало наличием водопровода. Самого настоящего. Больше всего столичного парнишу поразила сантехническая утварь из когда-то блестящей нержавеющей стали. Сюр какой-то. Почти хром на фоне кладки из нетесаных, пропыленных веками валунов. Надо же, кран почти как на их кухне в отцовской квартире! Приходившая до этого только в снах ностальгия аж взвыла, выбивая непрошеную слезу. Потом присмотрелся к кранам-вентильям и вздохнул тягостно – подделка. Точнее, очень неплохая имитация привычной земной сантехники, только как будто устаревшей. «Ну, хоть путное что-то сперли, сволочи», – подумал Пашка и захихикал над стальным унитазом. А что? Даже стильно. И звучит гордо – кованый

толчок! Торчит себе из пола овальное ведро с крышкой, стыдливо занавесочкой прикрылось. В рыгаловке у толстого Тима тоже было нечто подобное, поэтому Пашка отсутствию труб и бачка не удивился

– магия. А вот душа нет, печалька, однако. Зато есть сливное отверстие в полу – прорвемся, при наличии-то воды. Тётя Оля же не воняет и выглядит вполне чистенькой, хоть и неухоженной. Платье это серо-бурое, стрижка отросшая, а ведь приятная женщина была, наверное.

– Ты чего тут застрял, Паш? – Ольга деликатно выглянула из арки. Гость никуда не пропал, паялся на непонятную ерунду, пристроенную на стеллаже у дальней стены – там посуше. Назначение большей части этих предметов Ольге было незнакомо: на упряжь отдаленно похоже, но не на лошадь, и даже не на зебро-таксу. И тоже уставилась на сей

столярный монумент. Надежный такой стеллаж, перспективный. Подумаешь, вечной жизнью покоцанный, зато размерчик подходящий... Дальше в голове землянки самопроизвольно запустился автопилот. Точнее, то состояние, когда мозг получал задачу и принимался ее стремительно решать. Ольга давно научилась доверять этому самому «автопилоту», так она называла творческий раж, главное

– не спугнуть и не мешать себе самой: отпустить поток мыслей на волю, и он непременно уляжется в нужное русло. И так, что мы имеем? Если выкинуть с полок хлам... Если сами полки исхитриться отодрать... Потом оставшийся прямоугольный каркас завалить на пол плашмя и приладить те же полки в качестве настила, то вот и он, топчан для Пашки, не на каменный же пол его класть. Осталось придумать, где добыть постель, но это чуть позже, а пока обед.

Настоящий земной обед. Ну или почти настоящий. Аборигены не один десяток лет воровством из других миров промышляют, сообразили некоторые земные овощи районировать. Выращивают и продают задорого, но купить можно. А крупы так и вовсе мешками таскают. Ольга нежно улыбнулась, вспомнив, как чуть не расплакалась, увидев обычный пластиковый мешок сахарного песка. Торговец, у которого она уже в третий раз покупала псевдоземные продукты, тайком, можно сказать из-под полы, продал ей кулек этого самого сахара и пачку неплохого черного чая – этикетка откровенно указывала на контрабанду из России. Ольга всю щеку себе чуть не изжевала в стараниях сдержаться и не спросить, откуда дровишки и как переговорить с поставщиком. Вот было бы глупо! И ответа бы не получила, это ясно, и доверие контрабандиста бы утратила. А потому – купила. Торговалась так, что проходимистый лавочник проникся уважением. Но все равно дорого. Очень дорого! А как можно было не купить? На фоне этого приобретения картошка-морковка-лук, которые шли по цене деликатесной мясной вырезки из какой-нибудь местной твари, казались сущей мелочью. Здорово, что есть возможность побаловать себя и Пашку, правда, приготовление будет почти походным, на открытом огне. Ольга уже мысленно смаковала будущую наваристую похлебку, отдающую дымком.

Наверное, когда-то это и впрямь было помещением для охраны, и

сторожа, или кто тут нес службу, постарались создать себе некоторый уют, чтобы коротать долгие караульные бдения. На улице, невдалеке от

задней двери, имелся старый, исключительно пожаробезопасный очаг. Всего-то кружок из мелких гольшей, чтобы угли не раскатывались, два стесанных в одну высоту валуна и накинута поверх металлическая решетка. Просто, удобно, практично. Всякому приятно посидеть около открытого огня, выпить что-то горячее и потрепаться за жизнь. Именно этот примитивный очаг и поспособствовал тому, что тогда, в конце зимы, к привратнице пришло первое осознанное желание – развести костер.

Чтобы добыть дров, пришлось наконец разбудить соображалку.

Где

набрать хвороста, если ближайший лесок недоступен? Чем нарубить, как доставить, если она из крепости выйти не смеет? Таковы правила. Только в выходной. Да и законно ли в незнакомом лесу топливо брать? А проверять, что будет, если что, – дурочек нет. Сообразила обратиться к возницам, которые каждое утро доставляли корм для обитателей вивария. Долго настраивалась и решилась. Старшой возниц, не иначе как от удивления, что всегда молчаливая привратница вдруг заговорила, не отказал, привез. И даже кулечек спичек подарил. Ольга долго умилялась их игрушечному виду – на палочку от мороженого похоже, а воспламеняющаяся головка невинно-голубенькая. Коробка с бочком, покрытым серой, не предполагалось – спичка вспыхивала от трения о любую поверхность, хоть о ладонь, если своей шкурки не жаль.

Потом среди хлама обнаружилась медная посуда, пробудив очередное желание – поесть своего, а не столовского. Внезапной вспышкой торкнуло другое воспоминание: тоже едальня, но не местная

– а та, из студенческой юности. Бр-р. Кормежка в девяностых была та еще. Пожалуй, здесь и сейчас питание было получше. Не особо вкусно, но всегда вовремя, сытно и без риска отравиться. Это воспоминание имело практическую пользу – появилась кое-какая посуда, честно стыренная из столовой, как бывало в ее общежитской юности. Не рукой же из чудесного горшка хлебать?

Магия живого огня, она такая... Возрождающая. Сначала были вспышки-воспоминания. Иногда – пара образов вроде покупки билета в троллейбусе или бесконечные гряды на бабулином огороде. Иногда – уборка на собственной кухне. Или сказки на ночь для капризничавшей дочки. Потом – всполохами – работа. И гордость: всю мебель в квартире до распоследней полочки для обуви сама спроектировала.

Собственно, этим и на хлебушек с маслом зарабатывала, дизайном мебели. Много воспоминаний у взрослой матери семейства. Только главного

нет – как она сюда попала и что с ней происходило...

– Тётё Оль, смотри, чего нашел. – Пашка демонстрировал руку в кольчужной рукавице. Хитрая такая, с отдельным указательным пальцем, который неимоверно веселил парня. – Это чтобы в смартфон тыкать. – И действительно потыкал – в открытую ладонь, за неимением экрана. Вспомнилось же ему. Потыкал и зашипел обиженно – поцарапался.

Ольга только прифыркнула – рассмеялась бы, да слишком привыкла жить молча. Она уже перестала страдать из-за убогости своего нынешнего бытия, просто радовалась тому, что есть. Да и не так уж все плохо, как показалось на первый, незамысленный, освобожденный от морока повседневности взгляд. В войну люди куда как хуже бедовали. И радовались, между прочим. Все необходимое для жизни есть, даже кое-какая утварь. Особенно грел душу невысокий пузатый сосуд, носиком для слива напоминавший подойник. Когда Ольга пристроила эту медную штуковину на огонь, Пашка опять расхиликался:

– А это не ночной горшок?

– Эх ты, московская штучка, – поддразнивала она парня. – Что б ты понимал в колбасных обрезках и посудном счастье! Да я полчаса от радости рыдала, когда его нашла! А потом целый вечер песком драила! В этом горшке, между прочим, можно готовить абсолютно все! И суп сварить, и чай вскипятить, и даже жарку сделать, если припрет. Видишь, дно какое толстое? Жаль, крышка потерялась да ручка отломана. Но у меня теперь вот что есть! – Со дна корзины со всей возможной торжественностью была извлечена новенькая съемная ручка. Парень пренебрежительно фыркнул:

– Подумаешь!

– Не «подумаешь», а чапельник! Между прочим, на заказ деланный! Я из-за него сегодня в торговых рядах задержалась – ждала, пока деревянную ручку на поковку приладят. Если бы не это

«подумаешь», мы бы с тобой и не встретились. Проникнись!

Гостюшка проникся. Хорошую вещь всегда видно, даже если не знаешь, на кой ляд она нужна, вот и оглаживал парнишка гладенькую деревянную ручку с неподдельным уважением. Отец учил ценить

мастерство... Про отца вспоминалось горько, и, чтоб не думать о болючем, Пашка простодушно спросил:

– А откуда у тебя деньги, тётё Оль? – Шлепнул языком и сам понял, что вопрос бестактный, но слово не воробей.

– Да не шугайся ты так! – Ольга легко, как будто в сотый раз, потрепала задорную щетинку волос, проклюнувшуюся на еще недавно бритой голове. – У нас с тобой, Павлуш, либо полное доверие будет,

либо ты ночуешь и уходишь. – Видеть, как стремительно насторожился парень, было неприятно, но Ольга решила на этот не такой уж невинный шантаж, лишь бы не мучиться неопределенностью: не останется или все же останется? – А деньги, Паш, я не знаю откуда, – продолжила она как ни в чем не бывало, инстинктивно решившись на откровенность: – Просто нашла среди вещей узелок, а там монеты. Представляешь? Потом покажу. И половину тебе отдам, если ты решишь уйти.

Вот так! Получи кредит доверия, малыш.

– Еще чего – у женщины брат! Свои есть! – вскинулся парнишка и уже мягче добавил: – Развела меня как лоха! На шивость проверяла, да?

– Ну, капельку совсем. Нужно же мне уяснить, что от тебя ждать.

Если ты решишь завтра уйти...

Пашка понял: если он решит уйти, то его приветят, насколько это возможно, но ближе не подпустят. Пришел – ушел. Было и не стало. Зачем душу травить?

Пашка и сам до дрожи боялся расколупать свой с таким трудом наращенный панцирь. Привык быть один против всех. Аборигены почему-то иномирцев недолюбливали, а потому редкие земляне старались таиться и мимикрировать, чтобы не подставляться под гнобеж. Может, среди посетителей мурлычки толстого Тима и встречались соплеменники, но никто из них Пашке и намека не кинул, хотя все знали, что подавальщик – переселенец из техномира. А тётя Оля не побоялась в дом привести. Стоит и спокойно ожидает его решения. Отец так всегда делал – предлагал варианты и ждал, что Пашка выберет, и уже никогда не давал ему пойти на попятный – приучал

к ответственности.

– Останусь. – Хозяйка кратко кивнула, принимая ответ, и даже улыбнулась. Едва заметно растянулись в забытом усилии губы,

дрогнули и опали, а глаза продолжали улыбаться.

– Тогда пошли суп варить, потом подумаем, как тебя на ночлег устроить...

Парень оказался вполне приспособленным – очаг распалил с одной спички, только посетовал, что дрова сыроваты.

– Ну уж какие есть, и за то спасибо. Этот возница, что дрова привез, да подавальщица в столовке – все мое общение. А откуда, ты думаешь, у меня эта миска? Это мне Милена с собой еду несколько раз давала, а посуду назад не требовала. С возницей сложнее. Только и могу, что парой слов перекинуться, пока он кули с кормом около вивария выгружает. А нынче и того не получается. Сейчас виварий

почти пуст – сбросил груз и за ворота. Это он надоумил меня на торжище сходить и даже отвез в первый выходной.

Про обитателей вивария Пашка спрашивать не спешил. Ольга его сдержанность оценила – говорить хотелось о другом. За общим делом и болтовня течет как маслице. Приятно, когда слушают и слышат, а не только понукают, вот Павел и разговорился.

Жили вдвоем с отцом – мама погибла, когда мальчишке было десять. Про батю, бывшего военного, воспоминаний было больше всего. Ольга слушала и радовалась – повезло Павлуше с родителем, путевого парня вырастил. Очень хотелось поскорее узнать, как его занесло в этот мерзкий мирок, но выспрашивать она никогда не умела. И хорошо, что не спросила, потому как вопрос «как ты сюда попал?» необратимо трансформировался в «как ты умер?».

Хороший мальчик Паша отлично сдал ЕГЭ, и они с друзьями – к несчастью, всем уже было по восемнадцать – решили не шагнуть в новую жизнь, а прыгнуть. С парашютом. То ли инструктор недоглядел, то ли летчик, экономя топливо, недобрал высоту, но Пашку вынесло на деревья. Как его нашли, сколько времени искали, парень не знает – очнулся уже в новом мире.

– Я помню только сон, тётъ Оль. Типа все плохо, лежу забинтованный. В голове муть, дышать трудно, глаза открыть сил нет. Слышать вроде слышу, а голова работает туго-туго. Почуял – сел кто-то рядом и давай уговаривать, соглашайся-де на экспериментальное лечение, тогда точно поправишься. Если не согласен, то можешь и не выжить, а выживешь – с подорванным здоровьем останешься. Или

вовсе дурачком станешь, крови, дескать, много потерял, мозг такого не прощает. А мне никак нельзя дурачком, я в военное училище поступать хотел. Раз я тут, значит, согласился, а как согласился – не помню...

Думать о том, что пережил Пашкин отец, когда ребенок исчез, было невыносимо. Бывший военный, надо полагать, был волевым и сына наверняка искал исступленно. Ольга лишь надеялась, что пацан не слишком хорошо представлял себе процессуальную сторону проблемы, а то бы сожрала его вина перед отцом, как ее сейчас гложет вина перед своими.

– А дальше?

– Очнулся уже здесь. И что характерно – здоровый. Я такой: возвращайте меня назад, у меня планы на жизнь. А они: договор устный, но магически скрепленный. Нет тебе пути назад, а раз буянишь вместо благодарности, что жизнь спасли, то шуруй на аукцион. Толку от тебя, непокорного, пшик, так хоть доход принесешь. И в голове бац – что воля, что неволя, все равно. Там, на аукционе, меня толстый Тим и выкупил, то есть мой контракт на год. Это потом мне добрые люди шепнули, что контракт магический и Тим может штрафовать меня не деньгами, а временем, продлевая и продлевая

кабалу. Не сразу, но сообразил, что лучше затихариться. До кучи Тима предупредили, что я своенравный, и он, скотина, на меня ограничитель надел. Ограничитель – это такой браслет на ноге: хочешь взбрыкнуть, а не можешь – подавление воли. Даже защититься не можешь. Браслет из дешевых – любой чих принимал за неповиновение.

– Павлуш, тебя били?

– По первости случалось. Потом приспособился – не подставлялся. Ой, тётъ Оль... – Пашка нарочито медленно подцепил наваристую гущу, отправил ее в рот, посмаковал и радостно гыкнул, когда Ольга шутейно пнула его под столом, чтобы продолжал. – Это хорошо, что немножко били. Зато я понял... Не знаю, как сказать, короче, у меня талант открылся. Толстяк мало того, что дрянное пойло наливал, так еще и разбавлял его. Придет усталый человек пропустить кружечку, а там никакой крепости. Кому доставалось? Конечно, мне – я же принес. Толстяк не боялся, к нему почему-то не лезли, а на мне срывались. Однажды Тим случайным гостям выпивку разбавил уж совсем борзо, а там такие мордовороты были, что ой. Эти наваляют

быстрее, чем усы смочат, а потом посуду перебьют и не заплатят. А с кого убыток вычтут? Несу им кружки и трясусь. Трясусь и мечтаю, чтоб в пойле том такая крепость образовалась, что хоть поджигай. Иду, чувствую, что меня ведет, как спьяну. Но ничего, дошел. Развернулся удрать от стола этого злополучного, а ноги как ватные, и перед глазами все плывет. – Пашка выдержал паузу, зачерпнув еще супа. – Смотрю, гость хлебнул полкружки махом и закашлялся. Остальные ржут. Я аж стоять забыл со страху, что эти пришлые караванчики сейчас как вломят мне за все Тимовы прегрешения. А они – нет, хлебают это пойло с осторожностью и всем довольны. Я потом лизнул из их кружек – попробовать, чему гости так радовались, а там настоящий вискарь. Мне батя дегустировать всякие напитки давал. Дрянной, но вискарь. Ну или что-то похожее – опилками отдает. – Пашка замер, ожидая Ольгиной реакции. Не дождался. – Я, тётъ Оль, любую подслащенную жидкость могу в спирт заколдовать. Ну, не в чистый спирт, конечно, но довольно крепенько получается. Иной раз даже слишком. Те караванчики быстро опьянели. Легче всего феячить, когда в жидкости уже градус имеется. Только от моих способностей побочный эффект случается: как колдану посильнее – сам косею. Или когда психану не в меру, а под рукой никакого компота нет. Ну, ты видела сегодня меня, да?

Ольга озадаченно хмурилась, пытаюсь сплести из разрозненных впечатлений что-либо осмысленное. Неужто магия? Ну, сладенькую водичку в спирт – это понятно. Как добывают самогон, знает любой русский. А вот самопроизвольное самоопьянение – это ни в какие ворота, это даже не в заднюю дверь. Хотя логика некоторая есть: не случилось под рукой сладенькой водички, колдунство (на нервной почве) шибает в ближайшую доступную цель – кровь колдуна. Хотя сколько там сахара в крови у этого чахлика... А еще Ольга осторожно, как драгоценные намоленные четки, перебирала мысли, что нужно устроить

парню тренировки. Не с целью наделать

спиртного, а с целью нащупать рамочки, в пределах которых ему не грозит алкоголизм и цирроз. Ну а если уж образуется сколько-то спиртного, то надо же как-то реализовать ценный продукт и чтоб с пользой для парня. Например, тем же возницам за услуги. У Павла с собой никакой поклажи нет, видать, все, что имеет, – на нем. И в реалиях он разбирается ненамного лучше ее самой, а возницы..

– Тётъ Оль, ты чего замерла? Доедай уже. Или давай я доем, пока не остыло. Вкусно – сил нет, вкуснее, чем дома. Батя неплохо готовил и меня учил, но твой суп – это нечто! – И заработал ложкой, получив разрешение.

– У меня тоже отец классный был. – Пока трепался больше Пашка, а тут хозяйка сама заговорила о личном, и гость навострил уши. – Папка мой был мастером на все руки и умный, как дьявол, даром что необразованный. Мы с мужем ему компьютер на шестидесятилетие подарили, так он через три месяца уже винду сам перезаливал. После него только одной «Науки и жизни» почти полтыщи журналов осталось. А уж всяких там «Сделай сам» и

«Техника молодежи» и не считали. – Ольга на секунду отвлеклась полюбоваться Пашкиным аппетитом. – А я была папина дочка. Знаешь, Павлуш, у нас с ним была тайна: папка меня всему-всему научил, что мужику по дому нужно уметь. Говорил, что сила – дело десятое, главное – соображалка и хороший инструмент. Я и люстру могу повесить, и кран-буксу в вентиле поменять, и все такое прочее. Даже унитаз могу установить, если по инструкции. Лопату на черенок насадить могу. Он только об одном просил – ни за что не признаваться. Пока замужем – молчок. Не твоя сфера деятельности – и баста, пусть мужик сам справляется. А навык, он всегда пригодится, хотя бы работу за слесарем проверить, если супружнику некогда по дому пошуршать. А еще они с мамой меня учиться заставили. В девяностых это было ой как

непросто, но вытянули мое образование.

Пригодилось.

– У тебя муж был хороший?

– Да отличный, Паш. Сама не понимаю, за что мне судьба такое счастье отвалила. Наверное, авансом, раз я сюда попала. – Ольга встряхнула отросшей челкой, отгоняя неприятные мысли, и бодро добавила: – Пошли чай греть, раз кастрюлька освободилась. Только давай

на улице чаю поьем.

Глава 3

О братьях наших меньших, или Явление Тырика

Ольга это чаепитие предвкушала еще с утра, и ожидание удовольствия – чай с сахаром в насыпку и с Пашкой вприглядку – оправдало себя сторицей. Тот чаевничал с таким смаком, как будто ему

в кружку амброзии плеснули, перепутав с небожителем. Пашка цедил сквозь зубы чайники, заварника-то нет, и поглядывал умильно – не дадут ли еще кружечку. А если дадут, как ее в себя влить? Дело ведь не только в родном до боли вкусе, главное, что есть с кем разделить удовольствие. Они почти не разговаривали – успеется. Прихлебывали чаек, смотрели на усталые угли и слушали медленные сумерки. Казалось, крепостная стена старалась придержать стекающий с неба вечер, не пропуская тьму и тревожный шепоток ветра.

Оля уже совсем было решила встать и заняться-таки обустройством Пашкиного ночлега, заранее настраиваясь на визит в главный корпус, к подавальщице Милене. Была у Ольги надежда разжиться если не тюфяком, то советом, как этот самый тюфяк раздобыть. Ну не может быть такого, чтобы в общежитии не было запаса постельных принадлежностей.

По уму нужно было бы идти сразу к казначейке. Но по тому же уму хотелось отсрочить встречу с начальством хотя бы до утра. Начальство хорошим не бывает, это непреложный факт. Начальство в лучшем случае бывает сносным. Туэ Ламс сносным не был. Оля еще не отошла от последней встречи. Не далее как утром пошла доложить, что собирается покинуть крепость, и получить зарплату. Это был ее второй осмысленный визит в кабинет руководства. Туэ минут десять делал вид, что ему страшно некогда возиться с какой-то там привратницей. Деловито шелестел бумагами, демонстрируя приросшую к лошадиной роже брезгливую мину. Разрешение на прогулку ей милостиво дали, а кроткое

напоминание о деньгах начальству весьма не понравилось.

Небрежно брошенные поверх бумаг серебрушки были вынуты из кармана. Не из сейфа и не из стола, выглядящего как оборонительное сооружение. Из кармана – как подачку. На закономерный вопрос: «Где расписаться?» – туэ старательно взбесился: как смеет какая-то иномирная инвалидка подозревать его в нечестности?! Да он ее... И привратница предпочла не просто сбежать из кабинета, а побыстрее покинуть крепость, пока не остановили. Та Оля, которая в крепость вернулась, уже бы не сбежала. История Пашки породила массу неприятных вопросов о собственном статусе. Вопросы, которые требовали осмысления. Не сегодня. Сегодня у нее гость.

– Тётя Оля, слышишь? – Пашка даже привстал, прислушиваясь.

Теперь уловила и Ольга: со стороны вивария доносился едва различимый скулеж. Жалобный, пробирающий до ломоты в зубах звук резанул по нервам и затих. Потом повторился с новой силой. Надсадно булькающий плач существа, которому очень больно и страшно. Сумерки не смогли скрыть жалостливой гримасы на Пашкиной физиономии. Ольга на всякий пожарный придержала пацана за рукав, а то рванет спасать, а там охранно-защитная магия. Блямба-пропуск

осталась на спецовке, в которой привратница встречала поставки кормов. Увесистая такая металлическая бляха, похожая на жетон носильщика. Оля воспринимала его как электронно-магнитный ключ, тогда магическая составляющая блямбы не тревожила ее материалистические

стереотипы.

К этому времени нгурулы обычно накормлены и виварий закрыт. По крайней мере, Оля привыкла считать, что это так. Странно, что такая здоровущая тварюга может так по-щенячьи плакать. А она плачет и плачет. Жалко беднягу, сил нет. Душа рвалась пойти посмотреть,

что же там случилось, и

позвать на помощь, если кто-то из драгоценных животных пострадал. Не потому, что дорогостоящие, а потому, что жалко. Она и Пашка вглядывались в сумерки. Парень был готов рвануть с низкого старта, а Оля медлила, надеясь увидеть, как в оконцах вивария мелькнет свет, и это будет означать, что кто-то из наездников заботится о питомце. Какая бы ни была там проблема, а Павлу у загонов делать абсолютно нечего, даже если магия его пропустит, что уж совсем маловероятно. И как отреагируют растревоженные звери на появление чужака, совершенно непонятно. Ее, Ольгин, запах нгурулам знаком, но и только. Идти рискованно, но так жалко, так жалко. Решаться на подвиг не пришлось: воздух дрогнул и в пяти шагах от очага материализовалось нечто. Пашка от неожиданности плюхнулся на скамейку, невольно потянув за собой тетушку. Нечто приобрело более внятные контуры: вроде как пес, но здоровенный, как ишак, и шипастый, как психованный дикобраз. Других анатомических подробностей Пашка не рассмотрел, потому что это опять заскулило и двинулось напрямик к ним, припадая на передние лапы и мотая узкой, как у морского конька, головой, увенчанной коротким хоботом. Существо встряхнулось и тоненько пискнуло. Оля охнула в ответ.

– Господи, откуда ты взялся, маленький? Как тебя магия пропустила? – От удивления и сочувствия голос стал сиплым. Малыш нгурул? Прочие обитатели вольеров, которых она видала издалека, не уступали габаритами верблюдам. А маленький в очередной раз мотнул башкой и оскалился. Из его изумительно зубастой пасти капало что-то густое

и темное – сумерки не позволяли

рассмотреть точнее.

– Больно малышу, да?

– Тр-тр, – булькнуло существо и попыталось ткнуться шипастой мордой

Ольге в руки.

– Ч-ч-ч, не балуй, поранишь, – заворковала сердобольная, – пойдём-ка на свет, посмотрим, что у тебя там. – Она осторожно встала и попятилась к двери в комнату. Малыш оказался сообразительным и потопал за Ольгой как привязанный.

– Это че, тётъ Оль?

– Нгурул. Нгуруленок. Маленький совсем.

– Угу, – хмыкнул Пашка, непроизвольно скопировав ее нежные интонации, – практически нулёнок. – И потянулся погладить. Оля едва успела шлепнуть по мосластой конечности:

– Осторожнее, Павлуш, на шипах может быть яд. Меня предупреждали.

– Тр, – обиделся шипастик и добавил для убедительности: – Тр-тр-тр.

Дальше, с точки зрения Пашки, началось нечто фантастическое. Нгуруленок понимал тётъ Олю с полуслова, понимал по-русски. Та уселась на колени прямо под лепешкой магического светильника и три раза хлопнула в ладоши, добиваясь максимального освещения. Теперь стало видно, что нгуруловы иголки отливают красной медью и хоботок вовсе не хоботок, а полноценный бивень, настороженно торчащий из почти собачьего носа. Пока еще детский и не очень убедительный, но уже с желобками, заполненными маслянисто поблескивающей смазкой. Сыну военного сразу подумалось о чем-то нервно-паралитическом. Какой безумный маг собрал в одном существе пса, рыбу-меч

и ядовитого

дикобраза? Вот сволочь!

Пашка пристроился рядом с тетушкой и похлопал ладонью по полу, дескать, иди сюда, чего встал. Звереныш вспомнил, что надо страдать, а не принюхиваться к новым запахам, и ретиво прогарцевал поближе, клацая когтями, как бутсами, и роняя на каменный пол буро-

красные капли. Подошел, что-то поворчал и распахнул узкую длинную пасть.

– Ух ты, какая у тебя тут пилорама. Не укусишь? Нет? – Оля пару раз отдернула пальцы, которые так и норовили схватить нулёнка за челюсти и развернуть поудобнее. Она то так склоняла голову, то эдак, то пригибалась, чтобы взглянуть на нёбо и выискать источник кровотечения. Весьма затруднительное дело – нёбо пестрело темными пятнами.

– погоди, тётъ Оль. – Пашка вскочил и быстро вернулся, протягивая давешнюю кольчужную рукавицу и полотенце.

– Тр-тр-ты-ыр, – проявил нетерпение пациент.

– Потерпи, малыш. Понимаю, что больно, понимаю, что надоело с открытым ртом стоять, потерпи. – Ольга ловко замотала бивень тряпицей и уверенно взялась защищенной рукой за нижнюю челюсть, вынуждая нгурула задрать голову. – Вижу! Только как достать?

– Пинцет бы, – подал идею Пашка.

В десне, почти у самой гортани, торчала заноза. Воткнулась аккуратно между костью крайнего зуба и мягкой тканью. Зверик уже изрядно растрепал щепку языком, загоняя ее все глубже. Как ни понятлив и послушен был чудовищный малыш, а руку в предположительно

ядовитую пасть совать страшновато.

– Пинцет, говоришь? А выстругай мне палочки, вроде китайских, только потоньше. Сможешь? И спиртного немного сотвори, продезинфицировать...

Вдохновленный Пашка подорвался выполнять поручение. Все лучше, чем гляделками лупить и маяться беспомощным сочувствием. Палочки – это он сможет. Это он с удовольствием. Он даже лучше сделает, хотя основную идею все равно тётя Оля придумала. И водку тоже сможет. Надо же – продезинфицировать. А ему и в голову не пришло. Заботливая. И ласковая. Как мама. Недаром чудушко к ней льнет и жалуется: тр-тыр, тр-тыр, а сам иголки прижал и под кольчужку подставляется – гладь, раз просто так сидишь.

– Эх ты, Тырик, – ласково ворчала Ольга, с удовольствием оглаживая узкую морду и уворачиваясь от бивня. – Вот был бы ты приличной собакой, чтобы тебя обнять можно было, потискать, пузо почесать. А ты колючий! Никакого кайфа от тебя. Ужас в иголочку.

Пашка умилялся этой возне, не забывая работать ножом. И немного завидовал, зверик ему нравился. Ну и ладно, что уродлив, зато глазки умные. Повадками и медным окрасом он неуловимо напоминал любимого пса Буно, оставшегося на Земле. Пушистое беспородное счастье, которое все принимали за благородного колли.

– Держи, тётя Оль. – Пашка протянул свое творение. Ольга оценила. Острия именно такие, как надо: плотно сходящиеся, чтобы удобно было удержать занозу. Тупые кончики заказанных палочек были перемотаны ее лентой для волос, да так хитро, что немного пружинили, как и положено приличному пинцету. Теперь можно не бояться, что палочки в критический момент сорвутся с пальцев. Оля и в лучшие времена неважно с ними управлялась, не китайка, чай. Зверик сунулся проинспектировать новый, странно пахнущий предмет и получил по бивню рукавицей.

– Тырик! Убери! – прикрикнула Оля. И Тырик убрал. Медленно и неохотно, но костяной шип втянулся в бугорок над подвижными ноздрями.

– А раньше чего не убрал? – растерянно спросил Пашка. Нгуруленок излучал самодовольство, дескать, объяснять нужно было толком, чего вам, странным двуногим, надо. Попросили понятно – убрал, я еще и не такое могу.

– Ах ты, умничка, ах ты, золотой малыш, – рассыпалась в похвалах Ольга. – Сейчас вытащим твою занозу и получишь вкусняшку.

– Пусть тогда иголки убирает, – заворчал Пашка, но чисто для проформы, из пацанской вредности.

Оля мысленно прорепетировала, как она прихватывает деревянным пинцетом кончик занозы, как аккуратно тянет. Открыла глаза, а зверик уже на спине лежит и даже голову повернул, как надо.

Мысли

он читает, что ли?

Заноза была огромной. С половинку земной спички, не меньше, да разбухла еще. Тырик сухо плакал, но терпел, лишь в последний момент, когда пришлось дернуть посильнее и из ранки хлынула какая-то дрянь, рыпнулся встать и вскользь царапнул клыком руку спасительницы. На радостях Ольга и не заметила, заметил Пашка – кровило обильно.

– Я сейчас, тётъ Оль, я сейчас. Водкой промоем. Я свежей сделаю.

– Пашка засуетился разводить сахар в воде.

– Смотри, что ты натворил, – предъявила она нгурулу поврежденную ладонь. Тырик уставился на ранку, понюхал, поперебирал тонкими кожистыми ногами, смел коричневатым языком алые бисеринки – и давай зализовать ссадинку. Ольга восприняла этот жест

на диво спокойно – малыш

извиняется.

– Тётъ Оль, а тебе не больно? Промыть бы надо. – Встревоженный Пашка не решался задать правильный вопрос: а вдруг у него и слюна ядовитая?

Больно не было, да и крови уже не было, хотя на ладони довольно крупные сосуды, кровит обычно долго. Похоже, малыш знал, как исправить

свою оплошность.

– Тр-р! – возмутился Тырик, когда ласковая спасительница встала. Руки-то надо помыть. Ну и зверика напоить. А тот не столько пил, сколько пытался схватить упрямую струйку воды зубами – ему как раз роста хватало, чтобы удобно поохотиться.

Пашка откровенно ухохатывался, а Оля тихо радовалась – зверик разыгрался и, похоже, уже забыл о былых неприятностях. Теперь нужно как-то вернуть малыша в виварий.

– Вадуд! Ты где? – Дверь распахнулась, и в комнату ввалился сам господин кастелян. Ввалился и замер на пороге, явно брезгуя пройти дальше.

– Что случилось, туэ Ламс? Я здесь. – Ольга вернулась в жилую часть, оставив Пашку и Тырика веселиться дальше.

– Почему у тебя свет такой яркий? Я же предупреждал!

Действительно, было дело, предупреждал. Ольга вспомнила, как удивилась тому, что ей не следует привлекать лишнее внимание начальства к своему жилищу. Удивилась и выкинула из головы – это нетрудно выполнить.

– Да-да, – Ольга притушила светильник, – так что случилось?

Кастелян недоумевал: еще утром затюканная привратница убежала, стоило ему повысить голос, а сейчас спокойно смотрит ему в лицо и ждет ответа на вопрос. Как будто он, туэ, отчитываться должен! Поставить на место жалкую, больную на всю голову землянку успеется, а сейчас есть забота поважнее – сработал охранный артефакт вивария, а почему – непонятно. Ему бы и в голову не пришло тащиться

к воротам, если бы не клин света из окошка бывшей караулки и не запах костерка. Того и гляди, сам наездник-попечитель заинтересуется, принесло же его именно сегодня, когда нежданно сработала сигналка. Вдруг боссу придет блажь посетить среди ночи почти пустующий виварий?

А эта еще вопросы смеет задавать!

– Не твое дело! Просто сиди тихо! Завтра с тобой разберусь!

И надо же было Пашке выглянуть именно в этот момент! Да еще с неприлично радостной физиономией – уж очень забавно зверик с водой играл.

Туэ от возмущения не орал – визжал. Да как посмела чужака провести...

Да он их обоих на корм нгурулам... Да...

– Не припомню, чтобы мне было запрещено приводить гостей. – Спокойный голос привратницы взбесил туэ еще больше. Особенно раздражало, что она права – прямого запрета не было. Да какие гости могли быть у этой старухи, которая и жила-то как в толще воды – медленно, тягуче и уныло?

– Раз я сказал, что запрещено, значит – запрещено! Понятно?

– Где это записано? – Ольга вся подобралась, готовая защищать их с Пашкой до последнего. Она вдруг ясно осознала: дай она слабину – и Пашку просто выкинут в ночь, а она окажется в еще более стесненных условиях. – В вашем учебном заведении, господин туэ Ламс, существует такое понятие, как должностная инструкция? Хотелось бы взглянуть.

- Ты читать-то умеешь, убогая? Я – твоя инструкция! Понятно?

- Где это записано? В кодексе учебного заведения? Хотелось бы ознакомиться!

Да что позволяет себе эта иномирная побирушка?! Сказала так, как будто собирается проверить его, кастеляна, обязанности! Прибить мерзавку! А потом пойти и взыскать с департамента, где ему подсунули эту дрянь. Гарантировали ведь, что год, а то и два привратница будет послушна, как зомби. У нее четверть мозга в отключке, пока еще восстановится. А она через полгода чужака в крепость провела, да так, что охранная магия не сработала! Всего полгода спокойной жизни!

- Ах ты... Да я тебя... – А ведь туэ и ударить может, поняла Ольга. Она для него не то что не женщина, она даже не человек.

- Тр-ря, гхвыр-ф тр-р-ря-а-а! – Как между Олей и кастеляном оказался нгуруленок, не заметил никто. Игольчатый арсенал в полной боевой, ушки прижаты, бивень как будто стал длиннее и тоньше. На агрессивно-испуганный вопль детеныша ревом откликнулись сородичи

из

вивария.

Туэ обмер. Драться ему уже расхотелось. Невзнузданный монстр явно

угрожал.

- Тырик, фу! – Пашка рявкнул на рефлексгах, как скомандовал бы своему рыжему Буно. – Иди ко мне, малыш! – И позвенел кольчужной рукавицей, дескать, поглажу. Зверик с места не двинулся, но вздыбленные иголки опали. Покусать врага? Пойти поиграть с новым другом?

Туэ Ламс и в более спокойной ситуации не смог бы оценить смену бесподобно противоречивых эмоций на шипастой морде. Он видел только гипнотически-алые глаза чудовища.

И никто пока не видел нового зрителя.

Глава

4소

О практической пользе подслушивания

Лавэ Раим Шенол, наездник-попечитель Восточного Корпуса наездников, или попросту лавэ наездник, незримо наблюдал за своим безупречным кастеляном. Кто бы мог подумать, что можно одновременно и веселиться, и быть в тихом бешенстве? Оказывается, можно. Туэ Ламс удивил. Нет, не так – не переставал удивлять каждую из десяти минут, как попал в поле зрения начальства. Лавэ был неплохим менталистом и уловил присутствие кастеляна до того, как они оказались в одном помещении. Уловил и предпочел

воспользоваться невидимостью. Затратная штука, но сейчас Лавэ был доволен, что не пожадничал.

Главный наездник злился. До тика под глазом, до сухой шершавости языка. Злился на себя: раньше ему и в голову не приходило усомниться в лояльности кастеляна. Хорош, подлюка! Менталист из туэ нулевой – жалкие зачатки способностей. Зато какая маскировка намерений! Раим Шенол не привык себе врать – он бы так не смог. Теперь вот стоит и любуется, как из бывшего кастеляна ментальное

дерьмо прет. А мог бы наслаждаться комфортом после беспросветного аскетизма временных полевых лагерей.

Вылезти из блаженства горячей воды усталого наездника вынудила тревога в виварии. Не сигнал оповещения (кто же берет с собой в ванну ценный артефакт?), а волнение Свапа. Свап – воспитанный нгурул и надежный друг, просто так посылать тревожный эмпатический импульс не станет. Пришлось вытащить себя из неги и переместиться в виварий. Зачем, спрашивается? Там всего-то три особи, не прошедшие привязку, недавно доставленный по обмену детеныш, совсем маленький, еще не способный к трансформации, и Свап. Лавэ и его шипастый напарник вернулись буквально на сутки. Собственно, ради щена вернулись. И вовремя, надо признать. Детеныш пострадал. Не где-нибудь в скалах или лугах, а в защищенной виварии. Свап чувствовал остаточный след его боли в памяти других нгурулов, но беспокоило его не это: нгуруленок просигналил

сородичам, что на него напали.

Бежать до вивария долго – сначала по коридорам жилой части крепости, а потом через тренировочное поле, и Раим, не задумываясь, рванул коротким шагом через пространство, благо вектор привычен: точка выхода рядом со Свапом. Тренированный нгурул сам позаботится, чтобы друг и хозяин не врезался в его шипы.

В виварии щена не оказалось, зато нашлось место разрыва пространства. Специфический такой разрыв – слишком маленький для взрослого нгурула и слишком низкий для человека. Так пропавший детеныш и сам невелик. Лавэ мимоходом порадовался – хорошее приобретение, этот новый нгуруленок. Что-то же заставило неокрепшего малыша рвануть не только сквозь пространство, но и через защиту вивария? Для взрослых нгурулов она почти непроходима, а малыш просочился сквозь ячейки силовой сети.

Разрыв пространства еще не полностью затянулся, и вновь взрезать

его – дело одного волевого усилия. Есть шанс пройти по следу беглеца. Лавэ чуял, что шаг будет коротким, но мерами предосторожности не пренебрег.

Всегда выходить из подпространства с включенным магическим

зрением и ментальным слухом – очень полезная привычка...
Магическое зрение не подвело – на камнях пестрели темные кляксы,
подсвеченные оранжевым. Кровь, но не человека. Человеческая под
углубленным взглядом отдает буро-зеленым. Несколько капель – не тот

ущерб, который может повредить нгурулу, даже маленькому. Можно
успокоиться

и послушать внимательней.

В голову ворвался ментальный гвалт, в котором превалировал
мыслепоток кастеляна. Знакомый и на диво гадостный. Особенно на
фоне тоненькой струйки эмоций какой-то совершенно неизвестной
женщины. Откуда взялась посторонняя дама на вверенной его
попечительству территории? Мысли женщины были настолько
сдержанно-испуганными и незлобиво-решительными, что сомнений не
было – истинная дама. Дама, защищающая нечто для себя
важное. Вот

это самоконтроль! Даже в мыслях ни одной резкости, хотя туэ активно
напрашивался не только на грубый ответ, но и, пожалуй, на
полноценный скандал с рукоприкладством или с магической
затрещиной. Ламс точно знает, что дама не маг? Тухлый, как застойная
вода, страх кастеляна был утомителен, и лавэ сосредоточился на
женщине.

Подслушивание никогда не было нравственной проблемой для
Раима Шенола. Где вы видели хоть сколько-нибудь сильного
менталиста, который бы усовестился поковыряться в чужих
мыслишках? Раим даже позволил себе ухмылку – надо же, как его
выдержка дамы пробрала, слово «нравственность» вспомнил. Ха,
дама! Типичная иномирянка-неудачница. Немолодая, дурно одетая и с
короткостриженной катастрофой вместо прически, но как держится! И
как не сочетается ее решительность с затурканным видом. Давно
лавэ

не получал такого удовольствия от встречи с новым человеком. Третий
тоже интересный, зря дурак кастелян его всерьез не воспринимает.
Мальчик готов к драке, но на него пока можно внимания не обращать.

Раиму надоело наблюдать это бессмысленное противостояние,
тратя силы на маскировку. Пока уже бывший кастелян так возбужден
(спасибо иномирянке), он не сможет сопротивляться дознанию. Не то
чтобы у туэ были шансы вывернуться, будь он хоть сто раз гением
маскировки намерений. В конце концов, есть профессионалы-
дознатели, но привлекать сторонних специалистов к и без того
печальным делам Корпуса не в интересах лавэ. Лучше уж попечителю
самому поковыряться в этом дерьме. Надо только выгадать момент,
чтобы поэффектнее сдернуть невидимость и попридержать кастеляна.
Он что-то совсем озверел, еще миг – и с кулаками кинется.
Иномирянка, видимо, не лишена эмпатических способностей – вся

напружинилась, готовая к сопротивлению, даже вперед подалась
одним плечом (лавэ мимоходом отметил этот неосознанный жест –
базовый навык любого, кого хоть немного учили защищаться). И

парнишка этот... Ай да парнишка, какие знания об ударах в болевые точки! Очень интересный парнишка. Глупо дать пропасть такому перспективному кадру. Нет, никак нельзя позволить Ламсу его спровоцировать. Нападение на работника Корпуса, даже совершающего преступление, замять не удастся. Надо спасать.

Спасать никого не пришлось, разве что именно кастеляна – в самый напряженный момент между этими тремя материализовался щен. Молочные иголки вздыблены, рог поблескивает ядом, маленькие уши прижаты, в глазах красно-оранжевыми всполохами мечется бешенство пополам со страхом. Раим видел нгуруленка глазами насмерть перепуганного туэ. И тут произошло нечто совсем невероятное: незнакомый парень резким окриком осадил дикого нгуруленка, и тот подчинился, пусть и нехотя. Маленький еще, не умеет сразу подавлять природную ярость – этот навык тренируется долго. Лавэ усмехнулся – похоже, сведения несколько устарели. Щен для верности тявкнул еще разок в сторону врага и плюхнулся на зад, явно ожидая похвалы. Парень малыша не подвел: присел перед ним и заворковал что-то на незнакомом языке, не забывая приглаживать все еще встопорщенные колючки. Гладил, не выказывая ни тени отвращения к весьма уродливому созданию, а что самое главное – совершенно без страха. Да какой там страх! Благодарность и веселая нежность.

– Убирай уже свою кыльку. – Шлепок по бивню окольчуженной ладонью – и бивень с готовностью втянулся в хрящевую пазуху на носу. Лавэ от удивления упустил момент, когда кастелян ринулся на выход и налетел на него, невидимого. Грех не воспользоваться такой удачей

для окончательной

деморализации проштрафившегося подчиненного...

Глава 5

О должностях и доброте

– Рад вас видеть, господин Ламс. – Раим Шенол, вот уже несколько лет попечитель Корпуса наездников и пастухов, стоял в дверном проеме, небрежно подпирая плечом косяк. Туэ отшатнулся и

нервно обернулся на вторую дверь, ту, которая вела из крепости наружу. Лавэ лишь усмехнулся. – От Свапа вам не уйти в любом случае. Вы же знаете, не так ли? – И снова ухмыльнулся. Туэ умел понимать намеки: его мысли беззастенчиво отслеживают, это первое. А второе – попечитель даже хочет, чтобы он, кастелян, побежал. Лавэ это выгодно. Ну, увлекся нгурул преследованием. Это же нгурул, магическая тварь, неудержимая в ярости. Несчастный случай, бывает. Допрашивать будет некого, а потому и проблемы нет. Внутренние дела Корпуса останутся внутренними. Хуже, если правда о проказах кастеляна – а это, на минутку, самая высокая штатская должность в Корпусе – просочится за крепостную стену. Самому же кастеляну хуже

– его, в назидание, уничтожать будут долго и с показательной суровостью.

До третьего колена.

Так бесславно профукать идеально выстроенную комбинацию!

Туэ

Ламс злился на привратницу, которой

вздумалось притащить в крепость чужого; на блудливого нгуруленка; на непоседливого лавэ, который вернулся на две недели раньше срока. Надо же такому случиться, что именно сегодня он не прикинул вероятности, когда отпускал эту убогую в город. Не пустил бы – и ничто не нарушило бы рутинный ход жизни.

– Итак, господин Ламс, вы сделали свой выбор. Давайте-ка присядем. И не суетитесь. – Кастелян что-то пытался сказать, забыв, что его мысли и побуждения для начальника не тайна. – Конечно, вы мне все-все расскажете. И вы, господа незнакомцы, извольте присесть и представиться.

Женщина и парень переглянулись. Лавэ понравилась спокойная уверенность, с которой странная пара устроилась за столом. Юнец повел подбородком, без слов предлагая даме сесть подальше от туэ, а сам устроился напротив. «Хороший ход», – подумал Раим, все больше проникаясь веселой симпатией к этим людям. Не рядом уселись, ища защиты, а так, чтобы видеть лица друг друга. И его, лавэ, из поля зрения не выпускать. Самое интересное, что нгуруленок тоже присоединился к компании, однозначно обозначив свою симпатию. Под столом ему было тесновато, но он извернулся, пристроив узкую морду на женские колени. Бивень был деликатно убран. Раим специально наклонился заглянуть.

– Меня зовут Ольга Петровна Давыдова.

– Ты вспомнила?! – радостно перебил паренек и без тени смущения назвал себя, напирая на непривычные аборигенскому уху звуки: – Павел Мартынов. – И с некоторым вызовом добавил: – Мы с тётей

Олей из техномира.

– А вы кто, господин? Вы маг? – Ольга, не спуская глаз с предполагаемого начальника (а кто еще мог одним своим появлением низвергнуть самого кастеляна в пучину отчаяния?), спокойно приняла от парня кольчужную рукавицу, надела и спрятала руку под стол. Иномиряне никогда этого не узнают, но блаженное «тр-тр-тр» решило их судьбу. Лавэ Шенол, может быть, и плохой руководитель, раз кастелян так распустился, но он хороший наездник. Щен принял этих двоих, и Свап удивительно спокоен, а мнению нгурулов хороший наездник доверяет больше, чем шкале вероятностей.

– Я? Да, я здесь главный. Моя должность называется наездник-попечитель. И да, я маг. Господин Ламс уже поделился своей версией событий. Теперь хотелось бы услышать ваш вариант.

Иномиряне обменялись долгим взглядом. Дама подняла брови, а парень в ответ пожал плечами. Лавэ с внутренней усмешкой наблюдал за этой пантомимой: надо же, какое взаимопонимание, а ведь только сегодня познакомились. Готовая рабочая двойка, жаль, разница в возрасте критическая.

– А когда... – начал Павел осторожно, замолк на секунду и вдруг взорвался

азартом: – Вы что, мысли читаете? Круто!

А наши чего...

– Павлуш! Извините, господин... э-э... попечитель. – Ольга немного запнулась, своего имени этот человек не назвал. – Вам, наверное, неудобно нас читать, да? Потому что мы думаем по-русски? Или вам все равно, на каком языке?

Раим Шенол, суровый наездник нгурула и личный ужас кастеляна, грохнул хохотать. Эти двое неподражаемы! Им смертная казнь грозит, а они ведут себя так, как будто гостя интересного принимают и увлеченно выпрашивают у него любопытное. Мысль о смертной казни слегка остудила веселость лавэ. Похоже, что новые знакомцы даже не понимают, в какую передрыгу попали. Думай теперь, что делать с треклятым проходимцем туэ. Его вина, что эти двое оказались внутри крепостной стены. Если следовать кодексу – казнить всех троих,

а если все-таки посмотреть вероятности...

– Да, я маг разума, госпожа Ольга. Мысли я не читаю, я их осознаю, ну, еще говорят, слышу. И нет, ваш язык мне не мешает понимать основную смысловую нагрузку. – Лавэ опять чуть не сорвался в хохот, уж больно обескураженные лица были у обоих иномирян – дескать, а чего тогда спрашиваешь? Тут мыслепоток ловить не надо, чтобы догадаться. Даже у туэ проступило легкое недоумение на холеной роже, а должен быть спокоен и равнодушен, как скамья, на которой сидит. Вот гад, почти скинул подавление воли, пока начальство развлекалось.

Станный жест – открытая ладонь, быстро сжатая в кулак, – был понят иномирянами правильно: потерпите, не до вас. Их любопытство щекотало

висок Раима как ползущая букашка.

Отвлекает!

– Ламс! Амулет на стол! – Кастелян вздрогнул от начальственного окрика

и начал расстегивать штатский сюртук.

– Тр-ряв! – возмутился резкому звуку разомлевший и всеми, кроме Ольги, забытый нгуруленок.

– Тыря, цыц! – мимоходом усмирил зверика Павел, его манила блестящая штуковина, которую нехотя оставила на столе безвольная рука туэ. – Какие колечки! На перпетуум-мобиле похоже, только плоский!

Попечитель аж зубами лязгнул в досаде, не зная, с какого из первой сотни самых важных вопросов ему начать, хотя в голове их роилась пара миллионов. Безмятежный, как восковой муляж, кастелян его больше не волновал.

– Что такое «пертум моле»? Какой-то сильный артефакт? – Пашка от этого вопроса впал в прострацию – как пояснить аборигену про кинетику, инерцию и силу тяжести?

– Это игрушка, господин попечитель, дорогая механическая игрушка, имитирующая вечное движение, – доброжелательно пояснила Ольга. В ее мыслях лавэ на миг увидел мельтешение зеркально блестящих колец и качание шариков из того же материала.

Действительно, если эту штуковину прихлопнуть как муху, то будет очень похоже на амулет-защитник Ламса. Знатная вещица, редкая. Обычно защиту от влияния на ментальное тело носят на голове, а эту – все равно как, лишь бы к коже прикасалась. Жаль, что придется вернуть: амулет наверняка внесен в семейный реестр рода Ламс, а значит, под протекторатом короны. Раим был весьма собой

доволен: пробил защиту артефакта, явно сделанного магами мира Апрол.

– Мы отвлеклись, госпожа Ольга. Не соблаговолите ли вкратце пояснить, кто вы есть?

– Привратница я. Принимаю корм для нгурулов. – Оля изобразила вежливое удивление, и лавэ разозлился, правильно уловив упрек – лихой начальник, однако. Не знает, чем у него младший обслуживающий персонал занимается. Бедняжке даже в голову не приходит, что нет такой должности в Корпусе. И никогда не было. В отсутствие старшего пастуха корма должен был сам кастелян принимать, он третий, имеющий доступ ко всей системе магической защиты. Имевший.

– Давайте про вашу должность мы все уточним завтра. Приблизительную схему аферы туэ Ламса я понял. Поясните мне другое: как здесь оказался этот примечательный молодой человек?

– Я и сам ответить могу. Как-как, в дверь вошел. Вон в ту. – Упрямый затылок мотанулся в сторону второго выхода.

– И что, – живо заинтересовался лавэ, – просто взял и вошел?

Пашка задумался, реконструируя в памяти это незначительное событие. И докумекал-таки, что могло бы показаться странным, но не показалось. Тётя Оля что-то приложила к двери и открыла ее,

пропуская Пашку с тяжелой корзиной вперед. Пройти удалось, только поднажав, как будто супротив мощной воздушно-тепловой завесы шагнул. Пашка тогда эту странность списал на увесистую поклажу, которую нес перед собой. Ему было так интересно и волнительно, что маленькая заминка совершенно не отложилась в памяти, по крайней мере

в раздел «важное» не попала.

Парень уже набрал воздуха, чтобы начать рассказ, но вдруг понял, что это лишнее – странному господину с веселыми глазами все и без слов очевидно. А вообще, нормальный мужик, правильный. Визгучего придурка в дорогом прикиде спеленал, а с ними, по сути «бичами», за стол сел, расспросы спрашивает. Тётя Оля заторможенная маленько, а у него, Пашки Мартынова, достаточно уже опыта в этом мире, чтоб угадывать значимых людей. Этот чел был не просто важной персоной, это была фигура! Хотя на вид ничего особенного: ниже Пашки, жилистый, и видно, что верткий, а присмотришься – постарше тётя Оли.

А нгуруленку и дела не было до людских страстишек. Все успокоились, и он заскучал. Раз больше не глядят и не играют, самое время это исправить. Новый друг попытку не оценил – колючки легко проткнули плотную ткань рабочих портков. Слов матерных зверуша не понял, зато отлично понял, что сделал больно такому замечательному ласковому добряку, и от расстройства заскулил. Ольга и Павел шустренько встали, чтобы не оставить на иголках последнюю одежду: щен с грацией асфальтоукладчика пятился из-под стола задом, энергично наяривая лысоватой, но травмоопасной хвостярой.

Лавэ мысленно дал себе подзатыльник – увлекся, забыл про бесценного

детеныша, которого давно пора вернуть в виварий.

– Тряв-тр-тр-тр! – призвал всех щен порадоваться своей победе над теснотой подстоля и встряхнулся, разметывая с иголок сцарапанную

крошку.

– Молодец, Тырик! Такой ловкий и смелый! – похвалила Ольга нараспев.

– Что есть Турик? – Лавэ немного разозлился на синхронную усмешку собеседников – придумали дурацкое непроизносимое имя, а нгурул теперь другого не примет.

– Тырик, – снисходительно поправил Пашка, – Ты-ы-ырик. Это его так зовут. Он, когда пришел, все тыр-тыркал. Жаловался. У него заноза

зуба. Ща покажу! – И кинулся к месту «хирургического вмешательства» искать на полу вещественное

доказательство, отмахиваясь от ринувшегося на помощь шипастого теляти.

Как будто лавэ нужно было предъявлять! Наездник поймал несколько очень ярких образов, пропитанных сочувствием к страданиям малыша. «Так вот почему!» – наконец сообразил лавэ. Нгуруленок не просто ринулся в подпространство, стараясь убежать от надоевшей боли, он учуял сострадание и шел на него как по наведенному вектору. В этих людях не было страха, только лишь сочувствие и, что уж совсем непонятно, симпатия. Теперь лавэ не только угадывал, он смотрел и сам себе не верил – странный парень охотно играл с не таким уж маленьким колючим зверем, совершенно не боясь его зубов. Странная иномирянка с равной нежностью наблюдала за возней своего подопечного и монстра, который должен,

по задумке создателя, внушать трепет и ужас. А она улыбалась. Нежно-нежно.

– Надо бы выяснить, – заговорила вдруг Ольга, – как малыш поранился. Такое чувство, что он щепку жевал. А откуда в виварии деревяшки, если там все железо да камни? Не иначе как с кормом что-то попало. Надо бы проверить...

Глава 6

Об импринтинге, водке и привете с родины

Тырик как почувствовал, что его самоволка заканчивается, – навис над сидящим на полу Пашкой и не давал встать, увесисто толкая в грудь неколючим носом. Пашка хихикал и не сопротивлялся особо – тянул резину и поглядывал на начальство: а вдруг сердится? Раим, казалось, не возражал. Время шло, в оконца хмурилась ночь, а с Пашкиным ночлегом ничего было не решено, да и последствия обильного чаепития просились наружу. Ольга начала немного нервничать. Вытурить бы этих мужиков на пять минуток. Всех, включая нгуруленку и кастеляна, изображающего статую с острова Пасхи.

Наездник этот еще... Маг разума, чтоб его. Вот и пусть наслаждается теперь ее смущением и дискомфортом. Мужлан! Разумник на этот всплеск тихого негодования никак не отреагировал, и Ольга с некоторым облегчением поняла, что мысли высокого начальства заняты отнюдь не их с Пашкой самочувствием – лицо вроде улыбается, а взгляд расфокусированный. Вот и улыбка вылиняла, как замученный

непогодами ситцевый флаг.

Раим осматривался и все больше смурнел. Нет, его удручала не нищенская обстановка, в тренировочных лагерях он живал с куда меньшим комфортом. До белых искорок перед глазами бесило, что из-за тупой лени и мелочной жадности кастеляна придется взвалить плановые тренировки на главного пастуха. Энвер надежен и опытен, но всего лишь пастух. Силовые и скоростные упражнения он

обеспечит, а как быть с отработкой боевых приемов? Соревнования через полгода, а тренировки на местности можно уже сейчас считать проваленными. Нгурулов шип в печень этому туэ! На повторный сезон тренировок казна денег не даст, даже если попросить и все объяснить.

Да кто же отважится просить? Смертников нет. Остается только ввязаться в немедленный аудит крепости. Полномасштабный аудит. Судя по состоянию защитного контура, замена энергокристаллов запоздала как минимум недели на три, хотя допускается не более трех дней. Счет к туэ вырос еще – передержанные в эксплуатации кристаллы здорово теряли в качестве, заряжались дольше и заряд держали хуже. Восстановить подпитку защиты нужно немедленно! И это первая по значимости задача, которую необходимо решить. Нет, не первая

– вторая. Сначала нгуруленок.

Где он, кстати?

Вся компания обнаружилась в подсобном помещении. Боги пустоты! Какое убожество! А иномиряне вполне довольны, если судить по волнам смешливости, исходящим от обоих. Ольга присела в сторонке на корточки и трепала нугурула за ухо, что-то настойчиво ему выговаривая, а парень зачем-то собирал разлитую воду жуткой ветошью.

– Тырик! Это стыдоба! – Напускная суровость у Ольги выходила не очень. – Ты же интеллигентный нгурул, а не подзаборный кот, который гадит, где стоит! Где я тебе столько ветоши и мыла наберу, вонючки твои убирать? – Раим наконец уловил суть трагедии – щен напрудил лужу, а странная иномирянка его стыдит. И получалось у нее вполне эффективно – зверь старался виновато отвернуться, но так, чтобы

ухо оставалось под карающей рукой, и жалобно тархтел.

Лавэ жестом велел парню бросить уборку и подмигнул, удаляя следы прегрешения магией. Пашка с недоверчивым восторгом пронюхал, как вся вонючая жидкость собралась в текучий шар и ринулась прямехонько к сливному отверстию. Осталась только абсолютно сухая тряпка. Ни влажных следов на полу, ни запаха. Ольга заботу оценила и смилостивилась над смущенной скотинкой.

– Следующий раз просись на улицу! Понял?

– Нет, он не понял, апата. – От неожиданности Ольга вздрогнула и укололась. Лавэ выругался, а щен развернулся юлой в сторону опасности. Наездник чуть наклонился и издал руладу из странных звуков с повелительно-успокаивающей интонацией. Нетренированные уши землян выхватили только певучее «нугурули-нугурули». Щен присмирел.

– Промойте руку водой, Ольга. Если сильно жжет, в виварии есть лекарство, сделаете примочку.

– Нет, сейчас не жжет, – ответила та, но к раковине подошла. Раим замер в недоверии – поймал картинку, как зверь подхватывает языком капельки

крови, зализывая ранку на женской ладони.

– Так, – сказал он, оглядываясь, на что бы присесть. – Так.

Присесть, кроме унитаза, оказалось некуда. Несколько шагов до стола

лавэ проделал едва ли не шатаясь.

– Случилось что-то неприятное, господин попечитель? – Ольга почти робко приблизилась к столу. Этот человек явно испытывает некое непонятное потрясение. С чего бы? Он так их выручил в схватке с туэ, и Оле хотелось помочь в ответ. Ему бы выпить...

Водка! Пашка же делал, чтобы ранку прижечь, а не пригодилось почти. В кружке должно было остаться граммов семьдесят, хватит стресс снять. На закуску пришлось потратить хлеб, оставленный на завтрак. Обычный кислоквашенный серый хлеб, сдобренный растительным маслом и колечком лука, вот и вся нехитрая закуска. В русских традициях, так сказать. Больше ничего не было.

– Вот, господин, выпейте. Гадость, конечно, но вам нужно. Давайте-давайте, залпом. – Лавэ пялился на грубую глиняную кружку, не вполне понимая, чего добивается эта женщина. Сует ему в лицо посудину и нудит что-то. Ну ладно, глотнет он водички, раз ей так хочется, лишь бы отстала и не мешала думать. Ему бы тройной огневки с Цутамских винокурен, а не воды. Раим хлебнул в два глотка, передернулся и бурно задышал. Продышаться ему не дали – сунули в рот что-то немыслимое, приговаривая:

– Закусывайте, закусывайте. – Пришлось кусать и жевать. Стало полегче. Пожалуй, тройная огневка – это не предел совершенства.

– Откуда? – Голос у лавэ хриплый, но вроде не злой.

– Контрабанда, – Пашка быстро перехватил инициативу, старательно представляя себе немудреный интерьер мурлычки толстого Тима, – с Земли. Вы закусывайте, закусывайте, это тоже с Земли.

– А еще у нас чай есть, – включилась в игру Оля, сообразив, что Пашка пытается заболтать попечителя, пока тот еще под впечатлением от выпитого и не читает мыслей, Оля на это отчаянно надеялась. Светить алкогольно-производительные способности парня не хотелось. – Чай тоже контрабанда. И сахар есть. Только кипятка нет, а костер прогорел. – Оля вдруг очень захотела чаю, крепкого, чуть

вяжущего язык, сладкого чаю. И хлеба подсолненного да с растительным маслом! Так папка чаевать любил. Простые деликатесы

послевоенного детства.

– Как вы вкусно мечтаете, апата. Давайте воду, будет вам кипяток.

– А что такое «апата»? – Это слово ничего не говорило беспамятной землянке, сколько она ни напрягалась, пытаюсь вызвать нужное знание из недр забытого.

– Обращение к женщине из низшего сословия. Но не ко всякой, а к той, которая доказала свою полезность или совершила нечто значимое.

– Но я же ничего не...

– О, вы такого на совершали, что я и перечислить-то вслух боюсь.

– Раим заинтересованно принимался к чаю и пытался смириться с тем, что спать ему сегодня не придется. – Хотите послушать? Вы, женщина, установили связь с нгурулом, причем с неприрученной самочкой. Это, насколько мне известно, первый случай в разведении нгурулов. Более того, ваш подопечный тоже удостоился этой чести. Одновременная привязка сразу к двум разумным! Да мне никто не поверит!

– Самочкой? Вы хотите сказать, что Тырик девочка? – Пашка был разочарован! Он уже настроился на мужскую дружбу. – Вы же сами говорили...

– Да, это самочка, очень маленькая. Наверное, я невольно ввел вас в заблуждение. Признаться, я и сам путаюсь, не привык думать о наших

зверях в женском роде. Нужно было сразу поправиться.

– И что удивительного в том, что мы подружились, раз мы обе девочки?

– Удивительно потому, что женщин к этим монстрам вообще не подпускают. А вы только познакомились – и сразу запечатление. У обоих.

– Запечатление? – опять удивился Пашка, впрочем, Ольга разделяла его замешательство. – Я ничего особенного не почувствовал. Доброжелательная

зверушка. Понятливая.

– Вам просто не с чем сравнить, молодой человек. Ну не могли же вы не заметить, как малышка угадывает ваши желания и охотно их выполняет!

– Да ладно, – отмахнулся парень, – просто мы ее выручили и приласкали. Может, у нее характер такой! Дружелюбный.

– Просто ты ничего не знаешь о нгурулах. Поверь, это не домашние питомцы вроде того, про которого ты все время вспоминаешь. Нгурулы даже в очень юном возрасте – суть убийцы. Так они были созданы. И наш щен тоже.

– Щен? Вы сказали «щен»? – Павел, или, как он сам себя называл, Пашка, недоверчиво улыбнулся. – Прямо привет с далекой родины.

– Да, щен. Так называется детеныш нгурула.

– Так называется детеныш собаки у нас в России. – Ольга и Павел подозрительно одинаково ухмыльнулись. Похоже, что одна и та же догадка посетила обоих иномирян.

– Тыря, иди-ка сюда...

– Что-то от псовых явно есть, – задумчиво пробормотала Ольга, ища знакомые черты в довольной вниманием жертве магической селекции.

– Особенно лапы и морда.

Борзая? Как думаешь?

– Борзые, они вислоухие, тетя Оль. Может, колли? У моего Буно морда тоже вытянута. Если борзая, то афган. И хвост похож. А шерсть в иголки переделали. Думаешь, кто-то из русских и здесь отметился? Раз

слово «щен» прижилось?

Лавэ больше не мог выносить эту круговерть информации. Если он сосредотачивался на мыслепотоке кого-то одного, то не успевал отследить смену образов в этих двух так по-разному мыслящих головах. Иномиряне перебирали земных животных, ища схожие черты с нгурулом. Раим едва успевал поражаться их обилию и, увлекшись, терял нить разговора. Былой шок уже почти забылся, на очереди был второй: у парня имелся опыт воспитания животного! Хищного, если судить по строению челюстей. Раима потряхивало от открывающихся перспектив. Слава великому Эмодею, богу ментала! Не нужно ломать голову, как сохранить жизнь двум чужакам. Мама бы оценила этот завиток среди вероятностных прямых. Запечатление с юной нгурулочкой – достаточный повод, чтобы обоим легально оставить в Корпусе. Довольный попечитель сделал себе заметку – взглянуть на вероятности. Особенно на ближайшее время, а пока – последняя проверка. Пусть Свап посмотрит на чужаков.

Уговорить Тырю вернуться в виварий оказалось делом непростым. Ошейника нет, команд не знает, предпочитаемая пища для

соблазна – отсутствует. Любая попытка заканчивалась тем, что щеночка уходила под стол обижаться. Пашка не смог ее даже из комнаты выманить. Не помогли ни гипнотизирующие трели наездника, ни призывный рев сородичей из вивария. Ольга скромно следила за усилиями мужчин и всем сочувствовала. Пашке за то, что никак не мог добиться авторитета у животинки. Начальству – за то, что натворил

туэ. Жизненный опыт подсказывал ей, что пласт проблем, свалившихся на попечителя, огромен и неподъемен. Но жальче всех было зверушу: только нашла ласковых друзей – и сразу выгоняют. Каково маленькой Тыре среди огромных соплеменников, даже представлять не хотелось. Эх, мужики, мужики! Оля вооружилась своим дебылым фартуком, в котором принимала корма, и полезла под стол – утешать и обниматься. Тыря (после некоторого сопротивления) дала обернуть себя плотной тканью и даже сообразила прижать иголки. Обнимашки – это в сто раз лучше, чем просто погладить. Спецодежда неплохо держала атаки колючек. Оля легонько покачивалась и думала свои нехитрые думки. Про то, что Пашке спать негде, а щена капризничает. Про то, что хорошо бы добыть еще такую спецовку, чтобы смастерить защиту понадежнее, хотя бы перчатки и нарукавники. Кольчужка, конечно, защищает, но очень уж жестко. Проржавленный металл натирает кожу. Про то, что хорошо бы как-нибудь объяснить малышке, что виварий – это ее дом, а если она соскучится и очень захочет, всегда может сбежать – сегодня же как-то сбежала. Думала и приговаривала: «Малышка наша, малышка».

– Тётъ Оля, заснула ты там, что ли? – из далекого далека донесся голос

Пашки, вот как задумалась.

– Да, Ольга, вылезайте. Девочка согласна вернуться.
Глава

7

Солдат ребенка не обидит

Ночной виварий – странное место. Почему Ольга не чувствовала этой напряженности раньше? Потому что ночь и звери настороже? Привратница не раз и не два бывала здесь в темные утренние часы – зимой светает намного позже, чем прибывает обоз с кормами. Помещение с вольерами в это время всегда надежно заперто, и тамбур, куда сгружались кожаные мешки с кормом, безопасен для возниц. Пока

груз переносили, Оля успевала и кули пересчитать, и через сетчатую вставку в широченной, обитой металлом двери разок-другой глянуть, стараясь хоть издали рассмотреть отливающих медью гигантов. На кой ляд понадобилось это обзорное окошко, Оля не очень задумывалась,

а сейчас вот

заинтересовалась.

– Всего лишь чтобы тот, кто снаружи, видел, нет ли около вольеров посторонних, – ответил Раим на невысказанный вопрос. – Или чтобы увидеть, не нужна ли помощь тому, кто вошел. Травмы бывают

часто.

Лавэ закончил возиться с отпиранием двери и с усилием толкнул ее в сторону вольеров. Ольга отстраненно заметила, что да, так правильно – разбушевавшийся зверь не сможет дверь выбить. И

неправильно – человеку трудно сдвинуть с места эту махину. Может, опять вступает в игру магия, которую они с Пашкой никак не видят?

Тыря почуяла своих, радостно распушила иголки и скользнула в образовавшийся проход, едва не лишив попечителя штанов. Трявкнула и потрусилась во тьму – свет еще не зажегся. «Пожалуй, разумно», – согласилась Оля с действиями попечителя. Без света они с Пашкой далеко не пойдут – поостерегутся, а дверь притворить – время нужно, уж больно громоздкая. Не оставишь же открытой...

Тихий хлопок в ладоши – и потолок засочился тусклым излучением. Лавэ уверенно двигался вдоль пустых вольеров, за ним семенили гости. Ограждения из металлических прутьев впечатляли: в сечении не меньше, чем Ольгино запястье. Пашку же поразили размеры каждого вольера. Зачем так много места? Квадратов тридцать, не меньше.

– Скоро поймете, молодой человек. Извольте держаться за моей спиной и не делать резких движений. Эмоций это тоже касается. Не отставать.

Ольга позволила себе тронуть начальство за локоть.

– Что-то не так, апата?

– Все не так, господин попечитель. – Выдержанная, оценил лавэ, сердится всерьез, а голос едва слышен и спокоен. – Во-первых, я не уверена, что нам сюда в принципе следует заходить. Во-вторых, Павел вообще не представляет, с чем столкнется, да и мне доводилось видеть нгурулов лишь издали. Не помешало бы несколько правил техники безопасности.

– Правил чего? В виварии нет машин – здесь магия.

– Это выражение из моего мира. Означает, что нужно провести инструктаж, как себя правильно вести, чтобы никто не пострадал. И неплохо бы описать заранее, что нас ждет. Свет такой тусклый, как я понимаю, для того, чтобы мы слишком сильно не впечатлились?

Раим притормозил и повернулся к спутникам.

– Света достаточно, чтобы пройти мимо пустых клеток. Подойдем ближе к обитаемым вольерам, сделаю светлее. Ваши доводы разумны, апата. Итак. От меня не отходить, пока нгурулы с вами не познакомятся

и я не дам знак, что можно. Даже к щену не подходить. И тем более ее не трогать! Нгурулы учуют ваш запах на самочке и, скорее всего, не станут беспокоиться, но лучше не рисковать. Повторяю! Не подходить и не трогать, если только она сама к вам не подойдет. Да и в этом случае – не хватать. Если самец решит, что малышку нужно защищать, и кинется, я просто не успею вас выдернуть с линии атаки.

– Так они же за решеткой?! – в растерянном Пашкином шепоте сквозила

легкая паника.

– Ты уже и сам понял, парень. Сегодня эти решетки для нгурула – не препятствие. Магическая составляющая ограждений пока ослаблена. Иначе ваша подружка не вырвалась бы. – Раим на секунду прервал инструктаж, желая убедиться, что его требования восприняты всерьез. – И еще. Даже если вам покажется, что нгурул настроен дружелюбно, не спешите к нему приближаться и уж тем более не смейте прикасаться. Поверьте, на ощупь они совсем не такие, как малышка. Ваша кольчужная рукавица бесполезна. Где вы только эту дрянь нашли?

– Почему бесполезна? – обиделся Пашка. – Очень даже пригодилась.

– Это с малышкой пригодилась, а со взрослым самцом – скорее опасна. Часть шипов снабжена капсулами с ядом. Проведите рукой – и железо их легко повредит. – Объяснять, что яд неизбежно попадет на кожу сквозь сито отверстий между колечками, иномирянам не пришлось. Понятливые. – Три дня в муках вам обеспечены, если не умрете сразу. Под такой доспех, – уже без нажима продолжил лавэ, – обычно надевали мягкие перчатки из шкуры нгурулов. Мы давно отказались от железа на руках. Нгурулы обычно своих не ранят.

– А зачем тогда яд? – Практичная Ольга уже поняла: нгурул нгурула едва ли сильно отравит. Шипы против шипов бесполезны. Ноги у них, безусловно, уязвимы, там колючек нет, но лысая шкура даже у Тыри выглядит броневой. К тому же до лап колючками и не достать, если только бивнем, и то едва ли.

Лавэ следил за работой мысли этих двоих. Он наслаждался и немного злился – далеко не все его ученики пришли к этим выводам самостоятельно. Иномиряне же, особенно парень, основывались лишь на коротком опыте общения с нгуруленком. Главный наездник уже не жалел, что под влиянием момента решил подвести чужаков к Свапу. Чутье нашептывало – все правильно. Чего ждать от этого контакта, Раим даже гадать не хотел. Странная парочка его уже столько раз удивляла, что интереснее просто подождать.

– Р-р-рят’три-ит! – пророкотало раздраженным камнепадом из дальней темноты. Лавэ улыбнулся. И в этом они со Свапом похожи – терпения в запасе ни у одного, ни у другого. Вожак желал лицезреть гостей.

Не-ет, он, Раим Шенол, выжмет из обстоятельств все возможное, а потому не скажет этим странным людям, что нгурулы – эмпаты, а зверь, связанный с человеком, может не только настроение улавливать. Каждая пара сама изобретает способ общения. Его, Раимов, Свап, например, уникален. Не просто команды выполняет, он может послать образ в ответ на вопрос из нескольких слов. Например, «куда свернул

этот дурак?» или «кто хуганил?». А молодых нгурулов он и без просьбы в повиновении держит. Вожак. Раим предвкушал, как его друг удивит гостей, наверняка ведь уловил желание наездника поозорничать.

Наконец дошли.

– Фигасе, БТР на четырех лапах! – восхитился парень. – Хорошо, что

бивень не дуло.

Пашка старательно держался за спиной начальства. Не потому, что велено – душа просила: не лезь поперед батьки. Не соврал наездник

– машина для убийства. Перед такой и очкануть не зазорно.

Монструозина, которого попечитель назвал Свапом, спокойно принимался к новичкам, просунув бивень и часть узкой морды между прутьями. Это не Тыркина костяная шпырялка. Не длинная,

иначе не втянется, но явно боевая фиговина в бороздках для стока яда. И ни хрена не с верблюдов размером, как рассказывала тётя Оля. Разве что

в высоту. А в ширину – так и все два, это еще он иголки не растопырил. Пашка разглядывал медноцветные иглы размером с парикмахерские ножницы и понимал, что ничего не понимает. Сесть на эту ошетинившуюся спину нереально даже йогу – пошире, чем у слона, будет, и из каждого квадратного сантиметра торчит обломок боевой рапиры. Додумать мысль Пашка не успел – начальник шагнул в сторону, и он остался с нгурулом тет-а-тет.

И что делать? Трогать, то есть гладить, нельзя, да и страшновато. Угостить нечем. К этому, как к Тыре, с сюсюканьем не полезешь – сурового брутала видно сразу. Пашка мог поклясться, что зверюга потешается

над его растерянностью.

Подумаешь! Не злится – и ладно.

Как же на них все-таки ездят? Специальные седла? Тогда убойная сила монстра снизится. Вона какие задние лапищи, явно толчковые! Значит, перемещаться предпочитает скачками. Да при таких мощных задних усидеть можно только жестко зафиксированным, как летчик в кресле катапульты. Зачем тогда было иголки селекционировать, да еще ядом их начинять? Хотя... Если такая махина ломанется в пехоту противника, да еще все эти медные шампуры, которые вместо меха, встопорщит... Пашке как-то враз сплехело от воображаемого ужаса, а потом пришел гнев. Не нгурул чудовище, а тот, кто его создал! Вот бы этого спеца по прикладному членовредительству да харей, харей садистской

по этим шипам помурзать!

Скотина маньячная!

– Три-тря? – изумилась Тыря – уловила, что новый друг расстроился. Пашка аж башкой помотал, так явственно ему послышался вопрос: «Кто обидел? Этот?» И когда она

только успела материализоваться рядом с задней лапницей вожака?

– Тр-ряв! – Мелкая воинственно припала на передние и подскочила, явно прицеливаясь всадить свою носопырную кыльку под мосластое колено родича. А у родича тоже такое оснащение есть, только оно бивень и раза в три поболее.

– Тыря, нельзя! – Пашке не объяснили, что команды можно отдавать и мысленно, а потому он чуток запоздал – Свап успел развернуться быстрее и прижал наглуху бивнем. Не сильно, но

передние лапы у нее разъехались циркулем, а поганка настырно пыталась

вывернуться и что-то возмущенно трынкала.

Ольга не совсем поняла суть. Развернувшаяся драма прошла мимо ее внимания – увлекли другие нгурулы. Она только увидела, как Павлик кинулся грудью на прутья решетки. Его тело передергивало как от ударов током, но парня это не остановило – он пытался дотянуться голый рукой до хвоста вожака, а тот ускользал и не давался, как будто дразнил.

Раим, хоть и был пониже, без усилий отдернул ослабленного Пашку от ограждения. Не то чтобы ему было жаль юнца, скорее, его неприятно поразил страх женщины. Не за себя, а за этого мальчика и юную нгурулочку. Вот уж кому ничего не угрожало, так это маленькой непуганой щенявке. Да и парень отделался неприятными ощущениями

– контроль-защита решеток изрядно ослабла. Это вернуло лавэ к задаче номер два – восстановление подпитки защитного контура. Хотя завершить эксперимент-знакомство, пожалуй, важнее.

Нет, ну до чего же непонятливые иномиряне ему попались! А может, это и хорошо, загордиться не успеют? То, что Свап

благоклонно отнесся к парню, уже само по себе удивительно, остальных наездников он не жаловал, а главного пастуха на дух не переносил. А тут, гляди ты, стерпел попытку ухватить себя за хвост и даже заботу проявил – не дал юнцу пострадать от ядовитых колючек.

– Успокойся уже, парень. Да успокойся ты! – Пашка все пытался вывернуться, и лавэ Шенол добавил в голос повелительных интонаций. Не с целью подавить волю и без того дезориентированного будущего наездника, а для того, чтобы тот быстрее начал соображать.

Ну наконец-то, пришел в разум!

– Тыря! – Пашка рванул к решетке. Раим позволил – пусть полюбуется и поймет, что зря геройствовал. Щена с довольным видом валялась на каменном полу, а огромный вожак, не менее довольный, обнюхивал

ее пузо.

– Малышка в порядке. – Ольга успокаивающе погладила Пашку по

плечу. – Чего ты так всполошился?

– Да сообразил уже, тетя Оль. – И переместился так, чтобы видеть морду Свапа. – Прости, мужик, – обратился он к нгурулу, – я не хотел. Ну ты понял, да? – Дальше Ольга видела лишь кивки и подрагивание

Пашкиных плеч, как будто что-то доказывал. Попечитель хохотнул, чем отвлек ее от созерцания странной, немного пугающей пантомимы.

– Не стоит тревожиться, апата. Ваш мальчик талантлив и сообразил наконец, что нгурулы многое понимают и без слов. Он понравился Свапу, и Свап ему отвечает.

– А я? Я же тоже его слышу. Кажется.

– Да? Тоже? А что там было про военного и дитя?

– Солдат ребенка не обидит. Это вы имели в виду?

– Гр-р-рю! – подтвердил Свап и опять просунул бивень сквозь прутья. Слабые уколы магии огромную зверюгу нимало не беспокоили. У Ольги нудно зачесалась переносица, надоедливо свербило, и никак не чихалось. «Надеюсь, что это не аллергия на зверушек», – подумала она рассеянно и вдруг поняла, что это не ее ощущения. Свап?

Ольга вгляделась в его морду, пытаясь определить место дискомфорта. Похоже, у бедняги зудело уже давно, раз он поделился с первой встречной. То местечко, откуда начинался собственно бивень, обжималось кожистым, плотно прилегающим валиком. У Ольги промелькнули смутные ассоциации со стяжкой-хомутом, снабженным резиновой прокладкой. По ободу собралось что-то густое, похожее на крупинки канифоли в солидоле. Насморк по-нгурульи?

– Сейчас, дружище, сейчас почищу, только найду чем...

На полу нашлась сброшенная когда-то нгуруля иголка. Не такая внушительная, как у вожака, но Ольга все равно впечатлилась – с хорошую шариковую ручку. Сходство дополнило наличие сквозной пустоты по всей длине.

– Надо же, гнется, – как-то вяло удивился Пашка. Устал уже удивляться.

Лавэ не вмешивался, наблюдал, как иномирянка станет выходить

из положения. Ждал, что она кинется к нему за помощью, а нет. Сброшенную иголку нашла и трет ее зачем-то о шершавый камень пола. Посмотрела сквозь прищур на результат, потеряла еще и подступилась к бивню.

– Не дергайся только, – попросила она зверюгу. – Если будет больно – скажи, ладно? – И принялась осторожно соскабливать загустевший яд в чистейший носовой платочек, извлеченный из потайного кармана. Трубочка со скошенным, как у иглы для инъекций,

кончиком оказалась вполне эффективной, Раим оценил придумку. – Да не могу я посильнее, – пробормотала она себе под нос, – эта штука гнется. Я потом деревянной палочкой тебе почешу, у меня дома есть. Хороший

Свапик.

Безмянные самцы дружно затарахтели – им тоже почесать.

Сначала жожаку, а потом им.

Раим стоял и млеял от удовольствия своего напарника. И немножко сердился. На себя и на него. На себя за то, что опять подзабыл про эту особенность Свапа – быстро густеющую смазку на бивне. И на Свапа

– мог бы и дать понять, а не мучиться. Правда, наездник бы специальным инструментом не заморачивался, всегда обходился ножом-засапозником.

– Тётя Оль, – нарушил идиллию Пашка, – ты еще хотела дерево поискать. Ну то, которым малышка поранилась.

– У малышки и спроси, – отшутилась сосредоточенная Ольга. Работать неудобным инструментом, да в наклонку, да боясь коснуться ядовитой смазки голой рукой – тот еще эквilibр. Пашка к предложению отнесся серьезно и уставился на щену. Тыря не подвела.

– Это было в ее кормушке. В корме. – Озадаченность в голосе парня могла относиться ко всему сразу: и к тому, что щена поняла его вопрос, и к четкой картинке, полученной в ответ, и к мимолетной обиде малышки, которая вспомнила о былой боли.

Лавэ вострепнулся: он тоже поймал образ корма, в котором никак не было места щепкам. А они там были, сомневаться не приходилось – нгурулы

не способны врать.

Кормушки и поилки были по другую сторону вольеров. С этой стороны

входа в вольер нет, только обзорная

решетка. Обходить – крюк

в три сотни шагов. И себя, уставшего, жалко, и времени. Гостей тоже придется туда вести – эти не отступятся. Сам бы лавэ просто шагнул через подпространство, но пассажиров он не потянет, не тот уровень

дара. Кажется, парень таки узнает один из способов езды на нгуруле. Свап не против покрасоваться. Только нужно защитную магию отключить. Нгурул бы выдержал, скорее всего, а вот люди... Лавэ тронул на браслете нужный камень-артефакт.

Перчатки у наездника всегда с собой. Одну парню, вторую апате. Ничего, расстояние с плевков, удержатся. Пашка перспективой магической переброски проникся с ходу и сомнений не испытывал –

доверял. И от этого доверия у Раима стеснило под сердцем. Свап просочился сквозь прутья и встопорщил особо длинные иглы на загровке

– наслаждался изумлением

двуногих.

Убедить Ольгу ухватиться как следует за пару иголок оказалось непросто – она, видите ли, боялась сделать Свапу больно. Ей же неприятно, если за волосы...

– Тётъ Оль! Над тобой уже нгурулы ржут! – Пашка, подавая пример, ухватил в горсть сразу три иголочки. Сказано хватать и не выпускать – значит, не выпускать. Исполнительный паренек.

Конечно, они не были готовы к произошедшему. Никто не предупредил закрыть глаза. Никто не предупредил о коротком, как удар сердца, ледяном небытии. Никто не предупредил о секундной перегрузке, как на скоростном аттракционе.

Ольга не сразу осознала, что ее переместило через все шесть метров вольера и сквозь две железные решетки. Причем Свап опять был вне вольера и, кажется, ждал похвалы. Именно от нее ждал. «В следующий

раз похваляю. Если выживу».

– Куцаг свит яльба! – По злой экспрессии высказывания было понятно, что начальство выдало особо грубое ругательство, и переживать стресс от первого осознанного пространственного перехода сразу стало неинтересно. Подражая начальству, Ольга прихватила из поддона горсть сухого корма. Или почти сухого.

Бе-е-е.

Хорошо, хоть в перчатке, пусть и случайно. Это были толстые белесые гусеницы, здорово смахивающие на личинок майского жука. Неподвижные, слава богу. Было еще что-то зеленое, похожее на рубленные побеги спаржи, Ольге было уже не до того – Пашка сунул ей под нос горсть щепочек. М-да. Едва ли древесина входит в рацион нгурулов и уж точно не является предпочитаемой пищей. Плотоядность зверей очевидна любому. В геноме их предков явно отметились ежи или дикобразы, отсюда и меню. Личинки – понятно. Легкий протеин. Зелень – допустимо. А целлюлоза зачем? Щепки цветом очень походили на дубовые.

– Низачем, – ответил на незаданный вопрос лавэ. – Вместо сушеного мяса насыпали. Вообще-то, нам повезло. Но проверить нужно. Возьметесь?

Ольга поняла без дополнительных объяснений. Завтра утром следует проверить весь привезенный корм. Дубовая щепка на первый взгляд очень похожа на волокна сухого мяса. Придется быть внимательной. В душе она была согласна с начальством – да, повезло. Скорее всего, испорченный корм был лишь в одном мешке и достался щеночке случайно. Она по малолетству пострадала сразу, тем самым привлекла

внимание к потраве. Ну или не потраве, а к саботажу.

– Не спешите злиться, господин попечитель. Мы с Павлом утром все проверим. Что там проверять-то? Завтра по графику одна телега будет

и всего восемь мешков.

Лавэ уже даже не злился – он был раздавлен. Слишком сосредоточился на задаче, которую считал главной – на соревнованиях. Слишком доверился сотрудникам, точнее кастеляну. А этот слизняк развалил тут все. Прямо под носом у начальника-менталиста. Интуиция предупреждала: это не последнее потрясение, его, наездника-попечителя, личного друга короля-соправителя, еще щелкнут по самолюбию. Он заставил себя собраться – пора все-таки восстановить защиту. Запасные кристаллы должны быть в сейфе у Ламса. Нет, скованного неподвижностью туэ он в себя приводить не будет, а то прибьет ненароком. Пусть еще посидит в караулке. Проще воспользоваться личным запасом. И пожалуй, стоит впрячь в эту нудную работу парня, вдвоем быстрее. А память о местах закладок кристаллов потом и подтереть можно. Ольга предпочла подождать мужчин

в вольере. Не возвращаться же домой, где кастелян изображает восковую фигуру? Не-не-не, компания нгурулов куда приятнее, даже в клетке.

Минут через сорок осоловевший от легкого вмешательства в память Пашка плюхнулся рядом с ней прямо на каменный пол внутри вольера. Устал он от беготни по бесконечным лестницам. Ольга сидела на перевернутом ведре и методично выбирала из испорченного корма личинок, предлагая их то Свапу, то щене, то трем безымянным нгурулам. Протягивала на открытой ладони. Лавэ даже пошатнулся от удивления – все звери, включая жоака, деликатно втянули бивни. Кормушка щены, судя по мокрому полу, была чисто вымыта.

– Закончили, господин попечитель? – приветливо спросила Ольга.

– Откройте мне дверцу, пожалуйста. – Раим почувствовал, как ей не

хочется опять в подпространство. Предпочитает выйти по-человечески.

– Здесь, пожалуй, закончили. Пойдемте. – Лавэ взглядом указал Пашке на мешок с поддельным кормом, дескать, хватай и пошли. Не оставлять же порченное зверям.

К удивлению иномирян, двинулись они в сторону жилого корпуса, а
не Ольгиного жилища.

– У вас посидит арестованный туэ, если не возражаете, апата. А вы переночуете в гостевых комнатах.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/plyusik-v-karmu-b263655>